ПРАВДА О МОЕЙ БАБУШКѢ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

ДАВНО упрашиваютъ меня друзья написать мои воспоминанія, но въ нихъ столько грустнаго и тяжелаго, что даже теперь, переступивъ порогъ неумолимой старости (мнѣ минуло 64 года), я рѣшаюсь на это съ трудомъ. На Руси несчастныхъ женщинъ много,—кому можетъ быть интересна исторія моихъ личныхъ страданій? Но все, что я вытерпѣла, всѣ бѣдствія моей жизни такъ тѣсно связаны съ личностью моей бабушки, что ужъ по одному этому они должны, мнѣ кажется, представлять несомнѣнный интересъ для людей, изучающихъ личность моего дѣда, извѣстнаго дѣятеля Павловскаго и Александровскаго времени, графа Ѳ. В. Растопчина, неразрывно связанную съ личностью его супруги.

При чтеніи въ «Русскомъ Архивѣ» переписки А. Я. Булгакова съ его братомъ, прошлое воскресло въ моей памяти съ неудержимою силой, и угасшія было воспоминанія, какъ живыя, встали передо мною, но окончательный толчокъ, заставившій меня взяться за перо, была книга моего племянника, маркиза Пьера де-Сегюра [1]), о моемъ дѣдѣ и его прадѣдѣ, въ которой онъ описалъ бабушку мою такъ пристрастно, что чувство справедливости заговорило во мнѣ сильнѣе уваженія къ матери моего отца и даже къ самому моему отцу.

Графиня Екатерина Петровна имѣла такое вліяніе на мужа, на его взгляды на жизнь его дѣтей, на потерю огромнаго его со-

[1]) Покойный его отецъ былъ вторымъ сыномъ сестры моего отца, Софьи Ѳедоровны Ростопчиной, замужемъ за маркизомъ Евгеніемъ Сегюръ.

стоянія, а вслѣдствіе того и на судьбу его внуковъ, что личность эта требуетъ настоящаго освѣщенія.

Пьеръ де-Сегюръ пишетъ прекрасно, его сочиненія намѣтили ему мѣсто во французской академіи, слова его будутъ приняты безъ протеста, и «святая» личность перешедшей въ католичество графини Ростопчиной превратится въ историческое преданіе. Пьера де-Сегюра нельзя винить за превратное мнѣніе о прабабкѣ его: въ семьѣ его не можетъ не быть священна память о фанатичкѣ, ненавидѣвшей Россію и все русское, все православное и, насколько это было возможно ея черствому сердцу, любившей только младшую свою дочь (тоже перешедшую въ католичество) въ ущербъ старшей, Натальѣ Ѳедоровнѣ Нарышкиной, не поддавшейся пагубному вліянію матери и не измѣнившей вѣрѣ своихъ предковъ. Бабушка осыпала благодѣяніями всю семью своей второй дочери и особенно ласкала старшаго ея сына, Гастона [1]), два раза ѣздившаго гостить къ ней Москву, бывавшаго съ нею въ католической церкви и видѣвшаго, какую роль играетъ она въ католической колоніи, какъ матери подносили къ ней дѣтей со словами: «Прикоснитесь къ одеждѣ святой!» Онъ слышалъ восторженныя похвалы, расточаемыя ей аббатами, которымъ она раздавала все, что оставалось у нея отъ щедрыхъ подачекъ Сегюрамъ, и понятно послѣ этого, что по возвращеніи во Францію онъ всѣмъ повторялъ, что бабушка его Ростопчина—святая. И этотъ незаслуженный вѣнецъ святости, возложенный имъ на ея главу, племянникъ его Пьеръ де-Сегюръ всею силою своего таланта старается поддерживать въ неприкосновенности. Пора показать обратную сторону медали и выставить въ надлежащемъ свѣтѣ личность русской аристократки, супруги великаго патріота, скончавшагося въ чувствахъ вѣрнѣйшаго сына православной церкви.

Спасибо памяти А. Я. Булгакова, онъ доставилъ мнѣ неопровержимое подтвержденіе всего видѣннаго мною въ дѣтствѣ и слышаннаго отъ людей, коротко знавшихъ интимную жизнь нашей семьи. Память моя еще, слава Богу, свѣжа, и суровая, неумолимая фигура моей бабушки, какъ живая, встаетъ передо мною въ грозномъ своемъ величіи. Попробую же изложить впечатлѣнія, особенно рѣзко отразившіяся въ моей душѣ, слѣдуя при этомъ правиламъ истины, которыми я руководилась всю мою жизнь.

---

[1]) Впослѣдствіи ослѣпшаго и умершаго епископомъ in partibus infidelium.

I.

Происхожденіе Екатерины Петровны Протасовой. — Ея воспитаніе. — Ея сестры. — Причина пристрастія къ католичеству. — Наружность Екатерины Петровны. — Оставшіеся послѣ нея портреты. — Отношенія между супругами Ростопчиными до перехода графини въ католичество.

Дочь сенатора, генералъ-поручика Петра Степановича Протасова, Екатерина Петровна очень рано попала ко двору со своими сестрами, впослѣдствіи княгинями Голицыной и Васильчиковой, графиней Толстою и оставшейся въ дѣвицахъ, горбатой Варварой Петровной Протасовой. Изъ нихъ осталось вѣрна православной вѣрѣ одна только графиня Толстая.

Тетка ихъ, извѣстная подруга всей жизни императрицы Екатерины II, Анна Степановна Протасова, взяла ихъ къ себѣ на воспитаніе, и когда была пожалована въ графское достоинство, титулъ этотъ былъ одновременно пожалованъ и ея племянницамъ.

Всѣ онѣ получили утонченнѣйшее, по тогдашнему времени, воспитаніе. Бабушка моя безукоризненно говорила по-французски, знала языки нѣмецкій, англійскій, латинскій и греческій, но русскому ихъ не сочли нужнымъ выучить, и вотъ на этой-то почвѣ полнѣйшаго и постыднаго незнанія отечественной исторіи, религіи и языка зиждется причина перехода въ католичество сестеръ Протасовыхъ.

Воспитанныя внѣ всякихъ религіозныхъ правилъ, въ вольнодумствѣ, онѣ ощутили потребность обратиться къ Богу тогда только, когда наступило разочарованіе въ утѣхахъ свѣтской жизни, но молиться не умѣли. Бросились въ церковь—и ничего не поняли въ величавой красотѣ православной службы, самый языкъ которой имъ былъ вполнѣ чуждъ.

Уныло вернулись онѣ въ свои роскошные покои, гдѣ ждали ихъ іезуиты эмигранты, передъ которыми онѣ и опустились на колѣни, въ чаяніи духовной поддержки и утѣшенія.

Но я забѣгаю впередъ.

Екатерина Петровна была въ молодости безспорно красива, и я недавно вступила въ полемику съ моимъ почтеннымъ другомъ Н. И. Мердеръ, описавшею ее въ своемъ интересномъ романѣ «Въ годину бѣдствій», какъ безобразную, съ огромными ушами и сиплымъ голосомъ. Такою она сдѣлалась въ глубокой старости, когда мы жили у нея въ домѣ на Басманной. Она тогда уже начинала впадать въ дѣтство и часто, невзирая на сопротивленіе компаньонки, появлялась въ гостиной нашей матери. Когда ей случалось застать у насъ не стараго гостя, она непремѣнно обращалась къ нему съ вопросомъ, приводившимъ насъ въ великое смущеніе: «Для которой изъ моихъ внучекъ вы сюда пріѣзжаете,

мсье?» Иногда шутникъ, притворяясь, что не понимаетъ смысла ея словъ, съ напускною наивностью отвѣчалъ: «для обѣихъ, графиня», и отвѣтъ этотъ приводилъ ее въ ярость: сердито окидывала она его испытующимъ взглядомъ и величественно удалялась.

Въ то время она отъ старости стала меньше ростомъ, голосъ ея осипъ, и отъ дурной привычки почесывать у себя за ушами уши у нея опухли, и изъ нихъ сочилась кровь. Но, опять повторяю, такою она сдѣлалась въ глубокой старости, а въ молодости была красива. Разоблачая, во имя правды, ея безобразный нравственный обликъ, я не могу умолчать, что у нея были прекрасные, полные огня, черные глаза, правильныя черты лица, ослѣпительной бѣлизны зубы, высокій стройный ростъ и густые волосы, которые даже въ глубокой старости приходилось часто подрѣзывать (она носила прическу à la Titus), такъ быстро они росли.

Въ апрѣлѣ 1901 года, на художественной выставкѣ въ Москвѣ, мой троюродный братъ, князь Павелъ Алексѣевичъ Голицынъ (начальникъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ, умершій въ томъ же году), обратилъ мое вниманіе на выставленный имъ очаровательный портретъ масляными красками бабушки моей, молодой женщиной, съ густыми волосами въ мелкихъ букляхъ. Она держитъ на пальцѣ попугая, и вся фигура очень граціозна.

У меня сохранился портретъ карандашомъ, съ легкою ретушью краской на щекахъ и губахъ, сдѣланный въ Парижѣ: три профиля рядомъ, отца моего ребенкомъ, сестры его Елизаветы Ѳедоровны и бабушки, съ большими, опушонными густыми рѣсницами, глазами. Есть еще ея портретъ работы Кипренскаго, въ сидячемъ положеніи, на которомъ она представлена уже сорока лѣтъ, съ выразительнымъ и привлекательнымъ лицомъ, въ рединготѣ бронзоваго цвѣта, скрещенномъ на груди, и съ короткой таліей (модѣ этой она оставалась вѣрна до самой смерти), на плечи ея наброшена кашемировая шаль (обычная принадлежность свѣтской женщины тогдашняго времени), а на головѣ бѣлый тюлевый чепецъ, обрамляющій лицо густою рюшью. Во всякомъ случаѣ дѣдъ не женился бы на ней, если бы она была некрасива, но что при красотѣ Екатерина Петровна была не симпатична и не любезна, это фактъ, и сама она намъ разсказывала, что совсѣмъ еще молодой дѣвицей начала нюхать табакъ, чтобъ не заснуть на балахъ, на которыхъ мало танцовала. Если ужъ и тогда считала она танцы предосудительной и безнравственной забавой, то очень можетъ быть, что именно такая серіозность и понравилась графу Ѳедору Васильевичу, бывшему тоже серіознаго нрава и высоко цѣнившему въ женщинѣ умственныя и нравственыя качества. Что жену свою онъ любилъ глубоко и нѣжно, считая ее во всѣхъ отношеніяхъ совершенствомъ, это несомнѣнно и подтверждается множествомъ фактовъ: въ завѣщаніи, написанномъ имъ въ 1811 году, онъ отдаетъ

ей все свое состояніе, а въ послѣднемъ, написанномъ передъ смертью, лишаетъ ее всего. Почему? Потому что она перешла въ католицизмъ и заставила свою вторую дочь Софью отказаться отъ православія. Сдѣлано это было тайкомъ отъ мужа,—отъ такого мужа, который писалъ ей неоднократно въ сохранившихся у меня письмахъ: «Цѣлую твои ножки, моя благодѣтельница. Молись Богу, мой другъ; молитвы праведныхъ до Него доходятъ. Мы были счастливы, жили въ единеніи и согласіи, а теперь, когда мы увидимся? Цѣлую тебя съ сердцемъ, полнымъ твоими добродѣтелями, и съ надеждой на счастье, которымъ мы будемъ наслаждаться въ будущемъ. (16-го сентября 1812 года. Вороново)». «Сергѣй предшествуетъ мнѣ двумя днями. Я не хотѣлъ отстрочивать минуту его свиданія съ достойнѣйшей матерью и почтеннѣйшей женщиной въ мірѣ. (Владимиръ. 3-го октября 1812 годъ)». «Возвращайся въ разрушенный городъ, въ ограбленный домъ, къ обожающему тебя и уважающему тебя превыше всякаго выраженія мужу. (Москва, 1-го ноября 1812 г.)».

Да, графъ Ѳедоръ Васильевичъ любилъ и уважалъ свою жену. Но любовь эта изсякла, и уваженіе исчезло.

II.

Причина разъединенія супруговъ Ростопчиныхъ. — Вліяніе іезуитовъ. — Указъ императора Александра I сенату, 20-го декабря 1815 года. — Высылка іезуитовъ изъ Россіи. — Аббатъ Сюрюгъ. — Случай, послужившій толчкомъ къ увлеченію Екатерины Петровны католицизмомъ. — Отпаденіе отъ православія ея сестеръ. — Аббатъ Малербъ и мнѣніе о немъ А. Я. Булгакова.

Причина, служившая разъединеніемъ столь нѣжно любящихъ супруговъ, такъ тѣсно связана съ историческими событіями духовнаго строя въ Россіи, что ей надо посвятить нѣсколько словъ.

Никто не изучилъ и не описалъ такъ документально вліянія католицизма въ Россіи, какъ графъ Дмитрій Толстой. Не имѣя подъ рукой русскаго изданія его книги «Le Catholicisme romain en Russie» (Dentu, 1864), я привожу здѣсь въ переводѣ отрывокъ изъ французскаго изданія.

При раздѣлѣ Польши, Россія получила вмѣстѣ съ Бѣлоруссіей и іезуитовъ. Считая ихъ орденъ вѣроломнѣе и опаснѣе прочихъ католическихъ орденовъ, Екатерина II предписала губернаторамъ особенно зорко за ними слѣдить. Это было въ 1773 году, а въ слѣдующемъ году орденъ этотъ былъ упраздненъ папою Климентомъ XIV. Изгнанные отовсюду іезуиты добились дозволенія существовать въ одной только Россіи. Въ 1814 году Римская курія торжественно подтвердила свой приговоръ надъ орденомъ, нашедшимъ у насъ пристанище. И чѣмъ отплатили іезуиты Россіи за ея вѣротерпимость? Совращеніемъ въ католичество мо-

лодыхъ людей, ввѣренныхъ ихъ попеченіямъ, и женщинъ изъ высшаго общества. Этому способствовалъ своимъ вліяніемъ и общественнымъ положеніемъ знаменитый графъ де-Местръ, посланникъ сардинскаго короля и тайный агентъ Римской куріи. Онъ управлялъ іезуитами, наблюдалъ за католическимъ духовенствомъ и вообще велъ себя, не какъ посланникъ, а какъ шпіонъ. Впослѣдствіи онъ письменно сознался, что «всякій государь обязанъ защищать религію своей страны отъ посторонняго вмѣшательства, и что съ обращеніемъ въ католичество въ Россіи было поступлено слишкомъ неосмотрительно и поспѣшно».

Главною неосторожностью пылкихъ апостоловъ было обращеніе несовершеннолѣтняго племянника самого министра вѣроисповѣданій, князя Александра Николаевича Голицына. Ловушка была изготовлена весьма искусно: юный неофитъ нашелъ случайно въ печкѣ якобы забытый въ ней бывшимъ своимъ гувернеромъ іезуитомъ католическій молитвенникъ, прочелъ его и принялъ католическую вѣру. Свершилось это весьма легко и просто, но начальство отнеслось къ этому строго. Доложили государю, и докладъ этотъ, довершая собою цѣлый рядъ подобныхъ докладовъ, вызвалъ высочайшій указъ о высылкѣ іезуитовъ изъ Россіи, 16-го декабря 1816 года. Одновременно съ изгнаніемъ ихъ изъ Петербурга имъ былъ запрещенъ въѣздъ и въ Москву.

Въ виду свершающихся въ настоящее время изгнаній духовныхъ корпорацій изъ Франціи и появленія въ Петербургѣ нѣкоторыхъ изъ ихъ главарей, въ томъ числѣ и извѣстнаго о. Дюлака, считаю нелишнимъ напомнить здѣсь объ этомъ указѣ правительствующему сенату:

«По возвращеніи нашемъ послѣ счастливаго окончанія заграничныхъ дѣлъ въ нашу излюбленную родину, намъ ввѣренную Господомъ Богомъ, мы убѣдились вслѣдствіе многочисленныхъ извѣстій, жалобъ и рапортовъ, до насъ дошедшихъ, въ совершенной правдѣ слѣдующихъ обстоятельствъ: монахи іезуитскаго ордена римско-католической вѣры были упразднены папскою буллою, и какъ ихъ этимъ самымъ и всѣ прочія державы отстранили изъ собственныхъ, у нихъ не было болѣе пристанища. Россія, въ силу добродѣтели, человѣколюбія и терпимости въ дѣлахъ религіи, оставила ихъ у себя, дала имъ пристанище и не отказала въ могучемъ своемъ покровительствѣ всѣмъ бѣглецамъ. Она не запретила имъ видѣться съ людьми ихъ вѣры, не отклоняла ихъ отъ этого ни силою, ни преслѣдованіемъ, ни соблазномъ и въ замѣнъ всего этого ожидала отъ нихъ вѣрности, рачительности и пользы. Уповая на это, имъ было разрѣшено заниматься обученіемъ и преподаваніемъ юношеству. Отцы семействъ безтрепетно поручали имъ дѣтей своихъ для обученія наукамъ и нравственности. Но нынѣ несомнѣнно открылось, что они не сохранили долга благодарности и

вмѣсто того, чтобъ сохранить душевное смиреніе, какъ то приказываетъ христіанская заповѣдь, и оставаться мирными жителями иностраннаго государства, они возымѣли желаніе поколебать православную вѣру, первенствующую съ давнихъ поръ въ нашей имперіи, на которой основано счастье и благоденствіе многочисленныхъ народовъ, находящихся подъ нашимъ скиптромъ. Они стали злоупотреблять оказаннымъ имъ довѣріемъ, отклонили отъ нашей вѣры порученныхъ имъ молодыхъ людей и нѣкоторыхъ особъ женскаго пола, столь слабаго, соблазняя ихъ переходомъ въ католичество. Стараться внушить человѣку вѣроломство къ религіи его праотцовъ, заглушить въ немъ любовь къ людямъ одной съ нимъ вѣры, къ своимъ соотечественникамъ, отучить умъ его отъ духа его родины, сѣять распри и ненависть въ семействахъ, порождать разногласіе между сынами одной и той же религіи — это ли глаголъ и воля Бога, столь миролюбиваго и Его единственнаго Сына Человѣка Бога Христа, пролившаго Свою чистую кровь, дабы мы жили въ мирѣ и въ согласіи? Послѣ сихъ дѣлъ не станемъ удивляться, что общество этихъ монаховъ было изгнано изъ всѣхъ государствъ, и что ни одно не сочло возможнымъ допустить его у себя. Кто стерпитъ посреди себя сѣятелей злобы и междоусобій? Поэтому, принимая къ сердцу благополучіе нашего вѣрнаго народа и находя священнымъ и правильнымъ долгомъ искоренить зло въ самомъ началѣ, не давая ему времени дозрѣть и принести плодъ, мы повелѣваемъ возстановить католическую здѣшнюю церковь въ условіяхъ, въ которыхъ она находилась въ царствованіе бабки нашей, покойной императрицы Екатерины II и до 1800 года, и немедленно выслать изъ Петербурга всѣхъ монаховъ іезуитскаго ордена, запрещая имъ входить въ обѣ столицы.

«Александръ».

«С.-Петербургъ. 20-го декабря 1815 г.».

Въ силу этого указа 318 іезуитовъ покинули Россію.

Они уѣхали со спокойною совѣстью, унося съ собою счастье и спокойствіе многихъ семействъ. По тому, что произошло у насъ, можно судить о томъ, что было у другихъ. Когда именно бабушка моя перешла въ католичество, трудно опредѣлить. Понятно, что это хранилось въ глубочайшей тайнѣ. Если число, выставленное въ письмѣ аббата Сюрюга вѣрно (ноябрь, 1812 г.), то фактъ этотъ произошелъ не менѣе, какъ за три года до 1812-го года, но никто этого не зналъ.

Я живо помню разсказъ моей матери о томъ, что было первымъ толчкомъ къ духовному пробужденію Екатерины Петровны. При ней состоялъ домашнимъ докторомъ англичанинъ, атеистъ, съ которымъ она часто вела вольнодумные разговоры. Докторъ этотъ, живя со всей семьей графа Ростопчина въ Вороновѣ, упалъ съ

лошади или изъ экипажа и разбился до смерти. Передъ тѣмъ, какъ скончаться, онъ послалъ за бабушкой и сказалъ ей, что прозрѣлъ, но слишкомъ поздно, чтобъ спасти свою душу, и умолялъ ее позаботиться о собственномъ спасеніи. Въ ночь послѣ его смерти у нея было видѣніе, и ее нашли распростертой на полу, въ глубокомъ обморокѣ. Очнувшись, она проявила признаки сильнаго душевнаго потрясенія и, ко всеобщему изумленію, отправилась къ обѣднѣ въ церковь, выстроенную неподалеку отъ дома и парка. Но тутъ ее ждало разочарованіе: высокій смыслъ православнаго богослуженія остался для нея непонятенъ, и найти утѣшенія въ молитвѣ она тутъ не могла. Душевнымъ своимъ смятеніемъ она подѣлилась съ сестрой своей Голицыной, которая немедленно прислала ей аббата Сюрюга съ книгой «Подраженіе Христу».

Одновременно съ нею измѣнили православію и двѣ ея сестры: княгиня Оболенская и графиня Варвара Петровна Протасова. Эта послѣдняя пережила всѣхъ своихъ сестеръ и скончалась дѣвицей въ 1860-хъ годахъ.

Между совращенными аббатомъ Сюрюгомъ лицами мнѣ припоминаются имена постригшейся въ монахини княгини Голицыной, двоюродной сестры бабушки, князя Одоевскаго, графини Пушкиной, княгини Долгорукой. Подробности преступной дѣятельности аббата Сюрюга можно найти въ его перепискѣ, захваченной въ Петербургѣ. Сюрюгъ проводилъ обыкновенно лѣто у княгини Голицыной, въ имѣніи ея, Александровкѣ, въ 200 верстахъ отъ Москвы и тамъ безпрепятственно служилъ обѣдни. Онъ состоялъ при московской католической церкви и былъ главной причиной перехода бабушки въ католичество. Послѣ него дѣйствовалъ въ томъ же направленіи аббатъ Малербъ, капелланъ. Въ письмахъ своихъ къ брату А. Я. Булгаковъ называетъ Малерба развратнѣйшимъ человѣкомъ, живущимъ съ содержательницей пансіона, отъ которой у него были дѣти [1]).

---

[1]) Интересные способы употребляли святые отцы іезуиты для обращенія въ католицизмъ русскихъ свѣтскихъ дамъ. Вотъ, между прочимъ, что доноситъ одинъ изъ нихъ въ Римъ: «Исповѣдовать ихъ не представляетъ большого затрудненія, это удобно дѣлать и на большихъ балахъ, и въ концертахъ, и на парадныхъ обѣдахъ, а для причастія я заказалъ ювелиру нѣсколько изящныхъ золотыхъ и серебряныхъ ковчежцевъ, въ которые кладу освященныя облатки и передаю незамѣтно эти ковчежцы моимъ духовнымъ дочерямъ. Имъ, такимъ образомъ, представляется полная возможность самимъ причащаться послѣ исповѣди».

Бабушка удобствомъ этимъ, по мнѣнію А. Я. Булгакова, даже злоупотребляла и причащалась каждый день.

III.

Переписка братьевъ Булгаковыхъ.—Личность А. Я. Булгакова и мнѣніе о немъ князя П. А. Вяземскаго и Жуковскаго.—Смерть любимой дочери графа Ѳ. В. Ростопчина, Елизаветы Ѳедоровны.—Насильственное обращеніе ея въ католичество.—Послѣдніе дни графа Ѳедора Васильевича.—Личность Брокера.—Кончина графа Ѳедора Васильевича.

Прежде, чѣмъ приступить къ моимъ личнымъ воспоминаніямъ о бабушкѣ, я должна привести нѣсколько отрывковъ изъ воспоминаній о моемъ дѣдѣ людей, близко его знавшихъ. Это тѣмъ болѣе мнѣ кажется необходимымъ, что, знакомясь съ многочисленными и разнообразнѣйшими отзывами о немъ, я нигдѣ, даже въ роскошнѣйшей библіотекѣ, собранной изъ сочиненій о 1812 годѣ, Иваномъ Христофоровичемъ Колодѣевымъ, не встрѣчала ничего про его супругу, кромѣ замѣтки въ письмѣ Тимоѳея Кирьяка къ князю И. М. Долгорукову отъ 8-го мая 1791 года («Русскій Архивъ» 1867 г., стр. 691), двѣ строчки: «Кадриль одѣта была блистательнымъ образомъ, состояла изъ 24 паръ и дѣлилась на двѣ кадрили. Первую, т.-е. лѣвую велъ принцъ Виртембергскій съ фрейлиной Е. П. Протасовой, а за ними великій князь Александръ Павловичъ со старшей Салтыковой», да въ рѣдчайшей брошюрѣ извѣстнаго библіофила Сергѣя Дмитріевича Полторацкаго, друга моего отца: «Rostoptchine, le comte Theodore. Note litteraire et bibliographique»; про бабушку сказано, что она написала книгу безъ подписи: «Album allegorique. Moscou. 1814». Книга эта не разошлась, и у насъ топили ею печи въ нашемъ домѣ, на Лубянкѣ. Кромѣ того, про нее написано нѣсколько фразъ въ извѣстной перепискѣ Марьи Аполлоновны Волковой съ Ланской, и ничего больше. Но зато богатѣйшій матеріалъ для ея характеристики можно найти въ перепискѣ братьевъ Булгаковыхъ, по которой можно прослѣдить за жизнью супруги великаго патріота почти день за день, съ 1804 года до 1830-хъ годовъ.

Характеристику же братьевъ Булгаковыхъ можно найти въ воспоминаніяхъ князя Вяземскаго («Русскій Архивъ», 1867 года, ст. 1437). Тамъ и мнѣніе о нихъ Жуковскаго, такое же лестное для обоихъ братьевъ, какъ и мнѣніе Вяземскаго.

Въ первыхъ своихъ письмахъ А. Я. Булгаковъ относится къ графинѣ Ростопчиной благосклонно, какъ къ супругѣ человѣка, къ которому онъ питаетъ безграничную любовь и уваженіе. Въ 1812 году, когда высочайшимъ приказомъ изъ Вильны, 29-го мая, графъ Ѳедоръ Васильевичъ былъ назначенъ московскимъ главнокомандующимъ, онъ вскорѣ предложилъ А. Я. Булгакову поступить къ нему чиновникомъ особыхъ порученій и обходился съ нимъ, какъ съ домашнимъ человѣкомъ. Съ нимъ же вернулся онъ изъ Владимира въ Москву и пережилъ минуты ужаса, при видѣ

потрясающаго зрѣлища взорваннаго Кремля, поруганныхъ святынь и всеобщаго разоренія.

30-го августа 1814 г., графъ Ростопчинъ былъ уволенъ отъ должности, съ пожалованіемъ въ члены государственнаго совѣта, и вскорѣ, съ совершенно разстроеннымъ здоровьемъ, уѣхалъ на воды въ Германію, а оттуда въ Парижъ, гдѣ прожилъ почти семь лѣтъ. Въ 1825 году онъ вернулся въ Россію и поселился въ Москвѣ. Здѣсь ждало его горе, которое вскорѣ свело его въ могилу: смерть послѣдней оставшейся при немъ дочери, Елизаветы, скончавшейся восемнадцати лѣтъ, во всемъ блескѣ очаровательной красоты.

У меня сохранился ея портретъ, набросокъ карандашомъ, съ легкой акварельною ретушью; это была брюнетка съ большими черными глазами и длинными рѣсницами. Бабушка разсказывала, что у воротъ ихъ всегда толпился народъ, чтобы взглянуть на красавицу Ростопчину. Старшія ея сестры были замужемъ: Наталья за Нарышкинымъ, а Софья за Сегюромъ. Какъ католичка, послѣдняя иначе, какъ за католика, не могла выйти.

Всегда нѣжный отецъ, дѣдушка еще нѣжнѣе полюбилъ милую, кроткую дѣвушку, обреченную на преждевременную смерть. Она скончалась отъ чахотки, схваченной при слѣдующихъ обстоятельствахъ: рано утромъ проходилъ мимо оконъ ея спальни полкъ съ музыкой. Чтобы полюбоваться невиданнымъ за границей зрѣлищемъ, она бросилась къ окну босикомъ и простудилась. Опасаясь разспросовъ и упрековъ строгой матери, а также, чтобъ не огорчать отца, она долго скрывала свое нездоровье, почти до послѣдняго часа обѣдала за общимъ столомъ и упросила доктора не говорить родителямъ о безнадежности ея положенія, увѣривъ его, что она сама подготовитъ ихъ къ мысли ее потерять. Наканунѣ смерти хотѣла она, какъ всегда, спуститься внизъ, чтобъ обѣдать за общимъ столомъ, но силы ей измѣнили, и ее уложили въ постель. Она исповѣдывалась, пріобщалась и соборовалась въ полной памяти и съ изумительною твердостью духа, безпокоясь только о томъ, что г-жа Тончи (жена извѣстнаго художника) не приноситъ ей денегъ за наряды, которые она поручила ей продать. Деньги она непремѣнно хотѣла еще при жизни раздать прислуживавшимъ ей женщинамъ. Взявъ за руку отца, она сказала: «Папа, я была часто нетерпѣлива во время болѣзни, прошу у всѣхъ за это прощеніе, а въ особенности у сестры Наташи. Напишите ей объ этомъ. Сама я ей этого не могла сказать, она немного глуха, а громко говорить мнѣ больно». Помолчавъ, она поцѣловала руку отца и стала просить, чтобы послѣ ея смерти приданое ея раздѣлить поровну между ея сестрами. Часы свои она отдала брату Андрею, съ просьбою ея не забывать. Всѣ вокругъ нея рыдали, одна страдалица была покойна, смотрѣла смерти прямо въ глаза и просила родителей итти отдохнуть, увѣряя, что чувствуетъ себя

лучше. Въ половинѣ четвертаго графиня уговорила мужа прилечь, утверждая, что, по мнѣнію доктора, роковая развязка не такъ еще близка. Убитый горемъ и самъ больной Ѳедоръ Васильевичъ ушелъ къ себѣ и заснулъ. Часа два спустя, жена разбудила его словами: «Лиза скончалась въ шесть часовъ и скончалась католичкой: послѣ вашего ухода она отреклась отъ православія и причастилась св. таинъ по католическому обряду».

Можно себѣ представить, что долженъ былъ чувствовать несчастный отецъ! Онъ понялъ, что удалили его съ злымъ умысломъ, чтобы привести въ исполненіе заранѣе подготовленный коварный замыселъ, и истерзанному его сердцу былъ нанесенъ жесточайшій ударъ извѣщеніемъ о предсмертномъ отреченіи любимаго ребенка отъ вѣры праотцовъ! Пусть каждый отецъ, преданный сынъ своей церкви, теряющій дочь, представитъ себѣ нравственную пытку, которой подвергла его неумолимая фанатичка жена!

Мать моя часто мнѣ разсказывала ужасныя подробности этой смерти, слышанныя ею не отъ одного А. Я. Булгакова: удаливъ довѣрчиваго супруга, Екатерина Петровна позвала католическаго священника и заперлась съ нимъ и съ приживалками въ комнатѣ умирающей. Что тамъ произошло? Угрозами ли заставили несчастную причаститья облаткой или воспользовались ея слабостью, чтобъ вымучить ея отреченіе отъ православія,—это осталось тайной, и одно только извѣстно: предсмертная агонія страдалицы была не только борьбой между жизнью и смертью, но и борьбой изнасилованной души... Такъ понялъ это убитый горемъ отецъ. Онъ отвѣтилъ торжествующей католичкѣ: «Когда я простился съ моею дочерью, она была православной». И послалъ за приходскимъ священникомъ.

Взбѣшонная фанатичка въ свою очередь послала за аббатомъ. Оба встрѣтились у тѣла усопшей и отказались служить панихиду. Тогда дѣдъ мой написалъ митрополиту. Узнавъ, что усопшая исповѣдывалась и причащалась наканунѣ безъ малѣйшаго протеста и намека на будто бы поколебавшуюся въ ней вѣру въ нашу святую церковь, митрополитъ Филаретъ приказалъ отпѣвать ее, какъ православную. Лизу Ростопчину похоронили на Пятницкомъ кладбищѣ, рядомъ съ умершими до нея младенцами, братомъ ея Павломъ и сестрой Маріей. Возлѣ нея вскорѣ тутъ положили и отца ихъ, а затѣмъ Наталью Ѳедоровну Нарышкину и мою мать. Осталось еще одно мѣсто, надѣюсь, для меня, такъ какъ братъ мой Викторъ Андреевичъ похороненъ въ Омской губерніи.

Вся Москва явилась на похороны столь рано почившей юной красавицы. Отсутствовала только ея мать, какъ впослѣдствіи она отсутствовала при похоронахъ мужа... Свято берегла она свою душу отъ оскверненія схизматическими обрядами.

Съ этой минуты дни Ѳедора Васильевича были уже сочтены. Онъ сталъ постоянно хворать; московскій пожаръ надломилъ его

желѣзную, энергичную натуру, вынесшую всю лихорадочную дѣятельность эпохи, предшедствовавшей сдачѣ Москвы. Онъ не умеръ «отъ Москвы», какъ любилъ повторять доблестный князь Багратіонъ, когда умирающаго дѣда моего вывезли изъ обреченной на гибель столицы, но онъ похоронилъ съ нею всю свою дѣятельность, карьеру, цѣль жизни. Что-то могучее и свѣтлое оборвалось въ его сердцѣ, когда съ высотъ Воробьевыхъ горъ онъ въ послѣдній разъ окинулъ взглядомъ волшебную красоту стоглавой «матушки Москвы». Умеръ тогда московскій главнокомандующій, вѣрный слуга и сынъ отечества, остался жить только графъ Ростопчинъ, любящій мужъ и нѣжный отецъ.

Мы знаемъ, что, какъ мужъ онъ былъ поруганъ въ своемъ довѣріи къ женѣ, и много выстрадалъ, какъ отецъ, отъ старшаго сына, отъ перехода въ католичество второй своей дочери и отъ брака ея съ чужестранцемъ; утѣшеніемъ и гордостью оставалась для него только младшая дочь, и эту похитила у него смерть. Онъ остался одинъ у домашняго очага (второй сынъ его былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы понимать отца), съ суровой, взбалмошной женой, которую онъ не могъ больше ни любить, ни уважать. Ихъ связывало только свѣтское приличіе, союзъ же душъ ихъ давно былъ нарушенъ неумолимымъ фанатизмомъ графини. Печальны были послѣдніе годы русскаго вельможи, бывшаго главнокомандующаго Москвы, великаго патріота Ростопчина! Всѣ относились къ нему съ уваженіемъ и чтили въ немъ прошлое; даже и враги, созданные его острымъ языкомъ и вспыльчивымъ нравомъ, были обезоружены внезапною кончиною его любимой дочери. Смерть эта окончательно омрачила послѣдніе дни Ѳедора Васильевича: ему оставалось жить однимъ умомъ, для сердца радостей уже не было, а тѣлесные недуги усиливались. Выѣзжалъ онъ мало, и единственнымъ развлеченіемъ служили ему посѣщенія друзей, къ числу которыхъ принадлежалъ А. Я. Булгаковъ. Къ довершенію всего, домашній строй со дня на день усиливалъ раздражительность графа: духовный разладъ съ женою обострялся и тѣмъ болѣе разрушительно на него дѣйствовалъ, что гордый и скрытый нравъ заставлялъ его все таить въ себѣ. Никогда не жаловался онъ никому на свои семейныя невзгоды и, не взирая на пылкій нравъ и впечатлительность, ни разу не обмолвился ни единымъ словомъ самымъ близкимъ о своей горькой, сердечной тайнѣ. А. Я. Булгаковъ хотя многое и подозрѣвалъ, но такъ уважалъ графа, что свято хранилъ про себя свои догадки и предположенія.

Въ октябрѣ 1825 года съ графомъ случился сильный припадокъ разлитія желчи. Въ началѣ декабря было два консиліума, но болѣзнь, при сильно разстроенномъ организмѣ, лѣченію не поддавалась. 25-го декабря, докторъ Пфеллеръ сталъ опасаться воспаленія въ кишкахъ съ гангреной. Надо было приготовить больного

къ исполненію послѣдняго христіанскаго долга; графиня отъ этого отказалась, подъ предлогомъ, что боится его испугать, но я увѣрена, что ей просто не хотѣлось впускать въ домъ «схизматика» изъ поповъ, о которыхъ она всегда выражалась съ ненавистью. Въ этомъ случаѣ ей, пожалуй, можетъ служить извиненіемъ увѣренность въ невозможности получить отпущенія грѣховъ отъ православнаго причастія.

По праву старой дружбы, А. Я. Булгаковъ рѣшился сказать графу, что ему слѣдовало бы исполнить долгъ всякаго тяжко больного христіанина. Зорко на него взглянувъ, графъ спросилъ: «Кто поручилъ вамъ мнѣ это сказать, жена моя или докторъ?» Булгаковъ отвѣтилъ, что никто ему этого не поручалъ, и графъ приказалъ входившей въ эту минуту въ комнату графинѣ послать за приходскимъ священникомъ [1]).

Исповѣдь и причастіе продолжались около часу, и когда домашніе вошли къ графу, онъ взялъ руку Булгакова и сказалъ съ чувствомъ: «Благодарю васъ, мой другъ, вы мнѣ доказали вашу привязанность». На вопросъ: «Не утомился ли онъ?» графъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, хотя я много говорилъ. Я очень доволенъ и собою, и священникомъ. Это умный человѣкъ». Затѣмъ, онъ обратился къ Брокеру: «Адамъ Ѳомичъ, вотъ крестъ съ мощами, хранящійся болѣе ста лѣтъ въ нашемъ родѣ, сбереги его для Андрея».

Такъ какъ А. Ѳ. Брокеръ будетъ играть большую роль въ моемъ разсказѣ, считаю необходимымъ сказать про него нѣсколько словъ.

Родомъ шведъ, Брокеръ служилъ сначала во флотѣ, потомъ въ московскомъ почтамтѣ и былъ отставленъ почтдиректоромъ Ключаревымъ въ 1810 году при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Ключаревъ, одинъ изъ ревностнѣйшихъ московскихъ масоновъ, скрывалъ свой мистицизмъ подъ личиной добродушія, а пылкій и откровенный Брокеръ ненавидѣлъ фальшь и притворство. Въ то время почтдиректора пользовались привилегіей пересылать свои письма и посылки даромъ и злоупотребляли этимъ, чтобъ посылать и получать почтой безвозмездно цѣлые тюки. Однажды такой тюкъ, присланный изъ-за границы, былъ вскрытъ, и въ немъ оказались запрещенныя для ввоза въ Россію табакерки изъ Брауншвейга, главнаго мѣстопребыванія масоновъ. Присутствовавшій при вскрытіи тюка Брокеръ приказалъ другому чиновнику, Рудольфову, составить протоколъ. Разгнѣванный разоблаченіемъ его

---

[1]) По словамъ Снегирева («Русскій Архивъ», октябрь 1903 г., стр. 283), вотъ какъ произошло это событіе: «Онъ (графъ Ростопчинъ) исповѣдывался и причащался у приходскаго іерея Сергѣя Алексѣева (впослѣдствіи протоіерея Казанскаго собора), соборовался, стоя на ногахъ, велѣлъ похоронить себя въ томъ же сюртукѣ и туфляхъ, въ которыхъ ходилъ, безъ всякой пышности, просто, одному священнику. Это было за два дня до его смерти».

тайны Ключаревъ приказалъ Рудольфову подать въ отставку. Несчастный имѣлъ жену и дѣтей и, кромѣ службы, никакихъ средствъ къ существованію. Пылкій Брокеръ, чтобъ его спасти, полетѣлъ въ Петербургъ, явился къ главному директору почтъ, князю Куракину, и добился смѣщенія Ключарева и назначенія на его мѣсто Рудольфова, самъ же вышелъ въ отставку. Въ 1798 г., онъ имѣлъ случай познакомиться съ отцомъ графа Ростопчина, орловскимъ помѣщикомъ Василіемъ Ѳедоровичемъ, человѣкомъ веселымъ и добродушнымъ, который такъ съ нимъ сошелся, что, пріѣзжая по дѣламъ въ Москву, всегда его навѣщалъ, поручалъ ему веденіе своихъ дѣлъ и иногда останавливался въ его маленькой квартирѣ, при чемъ нимало не стѣснялъ часто собиравшееся у гостепріимнаго хозяина общество молодежи. Старикъ Ростопчинъ скончался въ 1799 году. Сынъ его, конечно, вспомнилъ о Брокерѣ и, когда въ іюлѣ 1812 года былъ назначенъ главнокомандующимъ Москвы, назначилъ его третьимъ московскимъ полицмейстеромъ, уважая въ немъ необыкновенную честность, признанную всѣми жителями Москвы безъ исключенія. Про его безкорыстіе разсказывали множество анекдотовъ, между прочимъ мнѣ извѣстно, что онъ передалъ дѣду сумму въ 30 тысячъ, поднесенную ему московскими купцами въ корзинѣ съ фруктами, и на эти деньги дѣдъ построилъ бесѣдку для музыкантовъ на Тверскомъ бульварѣ. Кромѣ честности и дѣятельности, дѣдъ цѣнилъ въ Брокерѣ тожественную съ нимъ антипатію къ масонамъ и къ Ключареву. Извѣстно, какъ страстно и неусыпно преслѣдовалъ графъ Ѳедоръ Васильевичъ масоновъ; ему, конечно, лучше, чѣмъ кому либо, были извѣстны причины, навлекшія на нихъ гнѣвъ императрицы Екатерины II. Онъ, вѣроятно, разсчитывалъ, что Брокеръ, личный врагъ ихъ представителя Ключарева, будетъ зорко слѣдить какъ за ними, такъ и за мартинистами, которые подъ личиною благочестія и благотворительности всюду преслѣдовали политическія цѣли.

Когда въ 1815 году графъ Ѳедоръ Васильевичъ переѣхалъ на время въ Петербургъ передъ своимъ отъѣздомъ за границу, онъ поручилъ преданному ему Брокеру веденіе всѣхъ своихъ дѣлъ и управленіе всѣми своими имѣніями, селомъ Вороновымъ въ Московской губерніи и другими въ Орловской и Воронежской. Изъ переписки ихъ, довѣренной издателю «Русскаго Архива» сыномъ покойнаго Брокера, Владимиромъ Адамовичемъ, можно судить объ отношеніяхъ дѣда къ его отцу. Графъ постоянно называетъ Адама Ѳомича «сердечнымъ другомъ» и выражаетъ такое довѣріе къ его честности и преданности, что это и удивляетъ, и трогаетъ въ такомъ скептикѣ, какимъ былъ строгій, неумолимый въ сужденіяхъ своихъ о людяхъ, графъ Ростопчинъ. Всѣ друзья его отличались благородствомъ души, умомъ и преданностью отечеству: оба Ворон-

цовы, князь Циціановъ, князь Багратіонъ, Булгаковъ, Горчаковъ и другіе; скромный Брокеръ занималъ въ сердцѣ дѣда не послѣднее мѣсто въ этой блестящей компаніи. Вернувшись на родину, графъ помѣстилъ его съ семьей въ одномъ изъ флигелей своего дома. Брокеръ былъ при немъ неотлучно во время его болѣзни и присутствовалъ вмѣстѣ съ Булгаковымъ при его кончинѣ.

Послѣ причастія дѣду немного полегчало, но не надолго, и, чувствуя приближеніе смерти, онъ сказалъ: «Я вижу, что дальше жить недостоинъ, и прошу Бога избавить меня отъ страданій». 27-го числа онъ соборовался, и твердость его духа и христіанское смиреніе поражали всѣхъ присутствующихъ. Онъ со всѣми прощался, всѣхъ близкихъ одарилъ по-царски и сказалъ священнику: «Похороните меня, батюшка, въ простомъ гробѣ, положите рядомъ съ моею дочерью Лизою. На могилѣ моей быть простой мраморной доскѣ съ надписью: «Здѣсь прахъ Ѳедора Ростопчина», безъ всякихъ титуловъ».

Часто благодарилъ онъ Бога, что умираетъ въ Москвѣ, среди друзей, благодарилъ А. Я. Булгакова за напоминаніе объ исполненіи христіанскаго долга передъ смертью и за то, что онъ заставилъ его простить старшаго сына, Сергѣя, котораго онъ заочно благословилъ и приказалъ женѣ выдавать ему ежегодно на содержаніе 20 тысячъ, если окажется, что долги его превышаютъ стоимость оставленнаго ему имѣнія. Но, невзирая на твердость духа, страданія часто вырывали у него восклицаніе: «Господи, сжалься надо мною грѣшнымъ, прекрати мои страданія!» На замѣчаніе Булгакова, что страданія временныя, а блаженство вѣчно, онъ смиренно возражалъ: «Недостоинъ я царства небеснаго», на что подруга его жизнь утѣшала его такими словами: «Кто смиряется передъ Богомъ, тотъ этимъ возвышается. Вспомни о разбойникѣ на крестѣ и не сомнѣвайся въ милости Божіей». Къ утру съ нимъ сдѣлался легкій нервный параличъ, послѣ котораго онъ началъ говорить съ трудомъ, вечеромъ снова со всѣми простился и у всѣхъ просилъ прощенія, потомъ приказалъ принести шкатулку съ табакерками и приказывалъ Брокеру кому какую отдать: зятю Сегюру, дочери Натальѣ, князю Масальскому, Муромцеву князю А. П. Оболенскому, Кампорозіо и другимъ, и дѣлалъ разныя распоряженія.

Жилъ у него изъ милости грекъ Метакса съ семьей; онъ благодарилъ его за дружбу и назначилъ ему изъ доходовъ сына Андрея пожизненную пенсію въ двѣ тысячи рублей. Метакса зарыдалъ и упалъ на колѣни. Графъ сказалъ: «Счастливъ я, что могу сдѣлать добро доброму семейству». Обратившись къ двумъ своимъ камердинерамъ, французамъ, онъ сказалъ: «Друзья мои, вы усердно мнѣ служили въ продолженіе семи лѣтъ, можете оставаться при моей женѣ, а если пожелаете вернуться на родину, вамъ выдадутъ

каждому по три тысячи франковъ. Не забывайте меня». Русскихъ же людей онъ отпустилъ на волю и каждаго съ наградой.

Брокеру онъ ничего не сказалъ, но вытребовалъ незадолго передъ тѣмъ свое духовное завѣщаніе изъ опекунскаго совѣта и прибавилъ къ нему несколько строкъ.

Пораженный такою христіанскою смертью, растроганный Булгаковъ сказалъ ему: «Я напишу исторію вашей жизни». «Для чего?» «Это послужитъ мнѣ утѣшеніемъ». «Это—дѣло другое, но прошу васъ, мой другъ, пишите одну только правду». «Вамъ нечего опасаться», отвѣчалъ Булгаковъ.

Оба его легкія были поражены. Замѣтивъ, что доктора удалились для совѣщанія, онъ сказалъ Булгакову: «Другъ мой, упросите, пожалуйста, Пфеллера не давать мнѣ лѣкарства для продленія жизни, я страдаю, мучу жену и васъ всѣхъ».

Крѣпость его организма была такова, что онъ прожилъ до 18-го января, съ водянкой въ груди, пораженными легкими, съ огромнымъ скопленіемъ желчи, давившимъ печень, и, кромѣ того, съ обычными своими недугами—ревматизмомъ, геморроемъ и полнѣйшимъ нервнымъ разстройствомъ. И при всемъ этомъ выдавались такіе дни, когда друзья его надѣялись, что изумительная сила его организма одолѣетъ всѣ эти недуги. Иногда страшныя муки заставляли его молить о смерти, и онъ просилъ докторовъ скорѣе прекратить его страданія. Опіумъ мало дѣйствовалъ. И все-таки свойственный ему юморъ его не покидалъ, и во время одного изъ перерывовъ между припадками жесточайшей боли, услышавъ, что присутствующіе разговариваютъ между собою о декабристѣ Трубецкомъ и о планахъ его произвести въ Россіи такую же революцію, какую сдѣлали во Франціи, онъ замѣтилъ: «Это совершенно напротивъ. Тамъ повара захотѣли сдѣлаться князьями, а у насъ князья—сдѣлаться поварами».

16-го января, ночью, произошла перемѣна къ худшему: одинъ глазъ ввалился, на лбу и на рукахъ появились черныя пятна, его перестали понимать, но наканунѣ смерти онъ внятно сказалъ, протягивая руку Метаксѣ и Булгакову: «Прощайте, прощайте, я умираю».

Скончался онъ 18-го, въ семь часовъ вечера, въ присутствіи Булгакова и Брокера. Графиня подъ предлогомъ головной боли удалилась на свою половину тотчасъ послѣ обѣда. Въ 5 часовъ вѣрные друзья услышали слова, произнесенныя умирающимъ: «Боже! Боже! возьми меня!» Это были его послѣднія слова. Отдавшись въ руки Создателя и Судіи своего, онъ болѣе не произносилъ ни слова и лежалъ спокойно, безъ стоновъ, но въ памяти. Друзья его, сидя поодаль, тихо разговаривали между собою о состояніи дорогого умирающаго. Брокеръ сказалъ, что графъ ужъ потерялъ сознаніе, и что д-ръ Рамихъ съ минуты на минуту ждетъ пара-

лича мозга, но тутъ Булгаковъ увидалъ, что графъ правой рукой щупаетъ пульсъ у лѣвой, и сказалъ: «Вотъ вамъ доказательство, что онъ въ полной памяти, онъ щупаетъ себѣ пульсъ». «Быть не можетъ!» возразилъ Брокеръ и подошелъ къ постели умирающаго: графъ дѣйствительно щупалъ себѣ пульсъ. Вскорѣ Брокеръ услышалъ у него шумъ въ груди, но Булгаковъ, стоявшій дальше, ничего не слыхалъ. Шумъ повторился: то была мокрота, ускорившая конецъ. Въ комнатѣ воцарилась глубокая тишина: сердце, горѣвшее столь пламенною любовью къ отечеству, перестало биться. Московскій патріотъ, наполнившій міръ своею славою и умомъ, окончилъ свое земное поприще, душа его, прошедшая черезъ горнило страданій, отлетѣла...

Встревоженный спокойствіемъ умирающаго, Булгаковъ взялъ свѣчу и подошелъ къ изголовью: графъ Ростопчинъ былъ уже безъ дыханія. Преданный другъ закрылъ глаза въ то время, какъ Брокеръ придерживалъ его голову. Въ эту минуту у обоихъ одно только было на умѣ: онъ пересталъ страдать!

До слѣдующаго утра графиня не выходила изъ своихъ комнатъ. Подходила ли она къ тѣлу мужа—неизвѣстно. Булгаковъ пишетъ, что она на другой день за нимъ послала, чтобъ узнать подробности о послѣднихъ минутахъ мужа. И тутъ только Александръ Яковлевичъ въ первый разъ увѣдомляетъ брата о переходѣ графини въ католичество, и что она имѣетъ сердце холодное, невзирая на католическую набожность. «Ворочала она и меня, но я ей сказалъ, что католики будутъ въ аду, а греки въ раю, и что спастись можно въ каждомъ вѣроисповѣданіи». Она даже не поблагодарила его за то, что онъ цѣлый мѣсяцъ почти не выходилъ изъ комнаты графа и не видѣлъ нѣжно любимой имъ семьи.

Выносъ тѣла послѣдовалъ 20 января, и хотя, по желанію графа, приглашеній никому не было послано, явилось множество народа провожать тѣло. Всѣхъ поразило, что покойникъ лежалъ, какъ живой, и нисколько не измѣнился, но еще болѣе были изумлены отсутствіемъ вдовы не только въ церкви, но и на выносѣ. Графиня, вѣрная самой себѣ, избѣгала осквернить присутствіемъ при молитвахъ нашей православной церкви! 22 января послѣдовали похороны на Пятницкомъ кладбищѣ, въ присутствіи всей Москвы съ генералъ-губернаторомъ, княземъ Д. В. Голицынымъ, во главѣ. «Можно мстить живому», пишетъ Булгаковъ, «но умершему воздастся то, чего онъ заслуживаетъ. Не будетъ другого Ростопчина».

Графиня Л. Ростопчина.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРАВДА О МОЕЙ БАБУШКѢ [1].

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

IV.

Эпизодъ съ ключомъ отъ шкатулки.—Извѣстіе о новомъ завѣщаніи.—Разговоръ графини съ Брокеромъ.

СО СМЕРТЬЮ графа Ростопчина для вдовы его началась новая эра, эра свободы духовной и полная возможность располагать богатствомъ усопшаго на благо католичества и его служителей. Аббаты должны были торжествовать; еле терпимые доселѣ въ палатахъ вполнѣ русскаго православнаго боярина, они теперь сдѣлались полнѣйшими господами въ домѣ, властелинами ума и сердца благочестивой вдовицы и должны были сдѣлаться наставниками ея младшаго сына, которому минуло двѣнадцать лѣтъ въ октябрѣ 1825 года. Графиня Екатерина Петровна знала, что въ 1811 году мужъ ея сдѣлалъ духовную, которою передавалъ все свое состояніе въ ея распоряженіе. О существованіи второй духовной она не подозрѣвала и ликовала. Первою каплею горечи въ чашѣ меда, которой она упивалась, явилось слѣдующее обстоятельство.

27-го декабря, послѣ соборованія, думая, что наступилъ его конецъ, графъ Ѳедоръ Васильевичъ, простившись со всѣми, досталъ изъ стола ключъ отъ шкатулки, въ которой хранились

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XCV, стр. 50.

деньги, брильянты, важныя бумаги и завѣщаніе его, и при женѣ и Булгаковѣ передалъ этотъ ключъ Брокеру со словами:

— Прощайте. Я умираю, друзья мои. Адамъ Ѳомичъ, возьми ключъ этотъ; ты знаешь, что тебѣ надо сдѣлать. Бумаги мои съ Булгаковымъ разбери, приведи въ порядокъ. Когда Андрюша будетъ совершеннолѣтній, ему ихъ отдадите.

Адамъ Ѳомичъ? Зачѣмъ Адаму Ѳомичу, когда законная жена и мать Андрюши стояла тутъ же? Какое оскорбленіе! Но, какъ благочестивая жена, графиня молча стерпѣла обиду и развѣ только намекомъ на разбойника, распятаго со Христомъ, дала понять, за какого великаго грѣшника считала она мужа, пребывавшаго въ православіи, когда сама она уже прозрѣла и хотѣла просвѣтить его. По той же причинѣ не любила она и А. Я. Булгакова и, вѣроятно, очень обрадовалась его отказу отъ опекунства, предоставивъ это трудное дѣло зятю покойнаго, Нарышкину, жившему постоянно на югѣ, и Брокеру. Съ вѣчно отсутствующимъ зятемъ она надѣялась легко справиться, а съ Брокеромъ ей казалось, что и разсуждать много не стоитъ: мелкая сошка, а за нею стоитъ цѣлый сонмъ живыхъ аббатовъ да католическихъ святыхъ съ Іозофатомъ Кунцевичемъ во главѣ [1]). Ободренная этою мыслью, она на другой же день послѣ кончины мужа послала за Брокеромъ и надменно приказала ему отдать ей ключъ отъ шкатулки. Привожу дословно разговоръ, происшедшій по этому поводу между ними.

— Если бы ключу быть у васъ,—говорилъ Брокеръ, — графъ передалъ бы его вамъ, а не мнѣ. Вы были тутъ же съ нами въ комнатѣ.

— Есть нѣкоторыя бумаги, которыя я хочу сжечь.

— Я до этого васъ не допущу. Графъ былъ такъ уменъ и такъ готовился къ смерти, что онъ зналъ, чему надо оставаться и чему нѣтъ. Волю его я исполню, все будетъ сохранено для Андрея Ѳедоровича.

— Да тутъ есть множество французскихъ бумагъ, коихъ вы не понимаете, и брани на французовъ.

— Французскія бумаги разберетъ Александръ Яковлевичъ, и если графъ бранилъ французовъ, то сдѣлалъ хорошо: они были

---

[1]) Я забѣгаю немного впередъ. Кунцевичъ не былъ еще тогда присоединенъ къ лику святыхъ. Разрѣшительную буллу далъ ему при вступленіи на папскій престолъ папа Пій IX. Но заслуги его давно были признаны: отъ него погибло больше схизматиковъ, чѣмъ во все остальное время избіенія ихъ въ Польшѣ. Извѣстно, что въ Вислѣ погибло столько православныхъ, сколько было въ ней волнъ. Одно воспоминаніе о св. Іозофатѣ Кунцевичѣ способно свѣять съ души каждое поползновеніе къ обращенію изъ православія въ католичество для человѣка, сколько нибудь знакомаго съ исторіей русскопольскихъ отношеній.

Авт.

нашими злодѣями, они сократили жизнь графа, пустивъ ядъ въ его семью.

— На свѣтѣ одна только вѣра—католическая, нѣтъ безъ нея спасенія.

— И вы смѣете, графиня, это утверждать? Развѣ вы не видѣли, съ какою твердостью, съ какимъ умиленіемъ и спокойствіемъ умиралъ графъ? Дай Богъ вамъ такъ умереть въ вашей вѣрѣ!

— Въ Андрюшино воспитаніе никто не долженъ вмѣшиваться.

— Это рѣшитъ духовная графа.

— Она мнѣ извѣстна.

— Не можетъ быть, графиня. Графъ Ѳедоръ Васильевичъ недавно уничтожилъ прежнюю и сдѣлалъ новую. (Графиня была ошеломлена этими словами). Что же касается до Андрея Ѳедоровича, къ нему будетъ ходить духовникъ его покойнаго отца, а къ обѣднѣ онъ будетъ ходить съ Метаксой.

— Все, что вы говорите, для меня крайне непріятно.

— Сожалѣю, графиня, но эти непріятности я буду повторять каждый день. Покуда ноги мои двигаются, и я дышу, воля графа будетъ исполнена; она и за предѣлами гроба будетъ мой законъ. Я оправдаю его довѣріе, праха его не оскорблю.

— Вы меня не знаете, я воспитывала одна всѣхъ нашихъ дѣтей.

— Чѣмъ же вы хвастаетесь? Изъ Сергѣя Ѳедоровича вы сдѣлали развращеннаго негодяя, посрамившаго имя Ростопчиныхъ [1]). Вы воспользовались неопытностью вашихъ дочерей, чтобы обратить ихъ въ католичество. Вы заставили ихъ нарушить первую заповѣдь христіанства—вѣрность своей ретигіи. Вы и изъ Андрюши сдѣлали повѣсу и баловня, исполняя во всемъ его волю, и что же вышло? Онъ васъ ни во что не ставитъ и не слушаетъ васъ ни въ чемъ.

— Дочери мои сами обратились, про это зналъ мой мужъ [2]). Я не неволила. Наташа осталась православной.

— Кому вы это говорите, графиня? Графъ молчалъ для избѣжанія ссоръ, соблазна, явнаго разрыва съ вами. Наталья Ѳедоровна своею твердостью сдѣлала всѣ ваши усилія тщетными, и вамъ извѣстно, что именно за это и была всегда любимою дочерью

---

[1]) Сергѣй Ѳедоровичъ сидѣлъ за долги въ парижской тюрьмѣ Мазасъ. Отцу надоѣло за него платить, и онъ не препятствовалъ его заключенію, но позоръ этотъ причинилъ много горя графу, и Брокеру все это было извѣстно. Авт.

[2]) Графъ такъ мало про это зналъ, что не повѣрилъ извѣстію, увы, слишкомъ неоспоримаго причащенія умирающей дочери по католическому обряду, и обращался къ митрополиту съ просьбой похоронить ее по-православному. Не удивительно, что на первыхъ порахъ и Брокеръ съ Булгаковымъ полагали, что покойницу обратили въ католичество раньше. Подробности всплыли наружу только вослѣдствіи, а тогда все это было еще тайной. Авт.

графа. Всѣ знаютъ, что перемѣна вѣры заставила васъ выдать Софью Ѳедоровну за француза. Что же касается до Лизаветы Ѳедоровны, то вы и передъ смертью причащали ее тихонько отъ графа. Онъ это узналъ поздно и отъ этого теперь въ гробу.

(Это говорилъ ближайшій другъ графа! Какое страшное обвиненіе!)

Брокеръ продолжалъ:

— Не заставляйте меня высказывать вамъ другія истины, не заставляйте меня забывать, чья вы супруга.

Тутъ графиня ему сухо поклонилась и объявила, что будетъ говорить съ Булгаковымъ.

Но свиданіе съ этимъ послѣднимъ принесло ей мало утѣшенія: Булгаковъ нашелъ, что Брокеръ поступилъ, какъ честный человѣкъ, и хорошо сдѣлалъ, что далъ такой твердый отпоръ графинѣ, которая ему стала ненавистна своимъ отсутствіемъ на похоронахъ мужа и благодѣтеля, какъ онъ называетъ дѣда по отношенію къ его женѣ. Ему было извѣстно, какимъ было для графа нравственнымъ ударомъ ея отступничество, какъ она мучила его своими капризами, хотя и пріобщалась каждый день св. тайнъ. «Это даже, мнѣ кажется, грѣшно,—писалъ онъ брату. Но аббатъ Малербъ говорилъ, что «ни въ чемъ не можетъ отказать графинѣ, потому что она благодѣтельница ихъ церкви». «Каждый день даетъ она киркѣ 25 рублей. Называетъ себя христіанкой, а не заставила себя любить ни мужемъ, ни дѣтьми, ни родными, ни знакомыми. Лучше дѣлать счастье окружающихъ, чѣмъ всѣхъ ругать, учить, все хулить и порочить. Я, право, увѣренъ, что она помѣшана: цѣлый вѣкъ утверждаетъ софизмы и парадоксы. Замѣть, что всѣ наши католички таковы. Надо спасти Андрюшу, вырвать его изъ ея когтей. Онъ скоро будетъ ее бить, а она съ христіанскимъ умиленіемъ будетъ подставлять другую щеку. Онѣ только и ищутъ, что славы и мученическаго вѣнца».

V.

Отвращеніе графа Ѳедора Васильевича къ подаркамъ. — Выборъ графиней князя Масальскаго въ совѣтники, аббата Малерба въ духовные руководители и шевалье д'Пизара наставникомъ для сына и управляющимъ своихъ имѣній.— Просьба объ уничтоженіи завѣщанія. — Письмо графа Ѳедора Васильевича къ императору Павлу и отвѣтъ государя. — Кто мнѣ это доставилъ.

Графъ Ростопчинъ завѣщалъ Булгакову часы Брегета. Заказанные въ Парижѣ какимъ-то англичаниномъ и не взятые, часы эти были пріобрѣтены графомъ за три тысячи франковъ. Знакомые Александра Яковлевича находили подарокъ этотъ сыишкомъ незначительнымъ, но графъ былъ врагъ подарковъ, самъ никому ихъ не дѣлалъ и отказывался, когда ихъ ему хотѣли дѣлать.

Такимъ образомъ отказался онъ отъ острова (кажется, Крестовскаго), который императоръ Павелъ хотѣлъ ему подарить, а также отъ большого имѣнія въ одной изъ прибалтійскихъ губерній. Надо было внести сто рублей для ввода во владѣніе, онъ ихъ не внесъ, и теперь на этомъ мѣстѣ выстроились города. Бумага о пожалованіи ему этого имѣнія находится у меня.

Женѣ своей онъ оставилъ по завѣщанію только то, чего не могъ ее лишить, а именно, имѣніе Вороново; все остальное пошло сыну его Андрею, такъ какъ Сергѣй Оедоровичъ давно истратилъ причитающуюся ему часть наслѣдства, и имѣніе его было заложено. Впослѣдствіи его мать и братъ выкупили это имѣніе, и я разскажу, какимъ образомъ оно попало въ руки итальянцевъ.

Не найдя поддержки ни въ Брокерѣ, ни въ Булгаковѣ, Екатерина Петровна выбрала себѣ въ друзья и въ совѣтники родственника своего, князя Масальскаго. Булгаковъ говоритъ, что онъ тоже былъ католикъ, и что недоставало ему овдовѣть, чтобъ жениться на графинѣ Ростопчиной. Я тоже увѣрена, что Масальскій былъ католикъ, иначе бабушка ни за что не оказала бы ему довѣрія. Для этой отступницы, достойной быть дочерью великаго инквизитора, всѣ схизматики заслуживали смерти на кострѣ.

Но главнымъ совѣтникомъ ея былъ, разумѣется, аббатъ Малербъ, про котораго Булгаковъ пишетъ: «самый развращенный человѣкъ, ослѣпившій графиню до такой степени, что она ему во всемъ повинуется и ни во что не ставитъ совѣты мужа, умнѣйшаго изъ людей своего вѣка, и, признавая за свѣтило каждаго проходимца, носящаго рясу католическаго священника, преклоняется передъ нимъ».

Этотъ Малербъ нашелъ воспитателя для графа Андрея въ лицѣ нѣкоего Изара, извѣстнаго бездѣльника, котораго даже и ближайшіе его сподвижники по плутовству называли шельмой. Г. Бартеневъ предполагаетъ, что это—тотъ самый знаменитый шевалье д'Изаръ, который оставилъ записки о 1812-мъ годѣ, изданныя впослѣдствіи Ладрагомъ. И я того же мнѣнія; трудно предполагать, чтобъ могли быть въ Россіи два лица, дѣйствовавшихъ подъ однимъ и тѣмъ же именемъ и въ одно и то же время.

Къ счастью, прозорливый Брокеръ понялъ, что такая личность, какъ Изаръ, въ воспитатели не годится, и сумѣлъ такъ припугнуть храбраго шевалье, что онъ отказался отъ предлагаемой ему обязанности. Скрѣпя сердце и, разумѣется, не совѣтуясь съ Брокеромъ, графиня взяла въ воспитатели къ сыну какого-то Ружемона, но вскорѣ, отказавъ ему за неспособность, снова обратилась къ Изару. Внѣ французовъ спасенія для молодого Ростопчина не было! И «Мысли вслухъ на Красномъ крыльцѣ» и двѣнадцатый годъ—все забылось! Впрочемъ, Екатерина Петровна милостиво объяснила опекунамъ, что беретъ Изара только на испытаніе, что съ сыномъ

ея онъ будетъ проводить не болѣе трехъ часовъ въ день, а остальное время посвятитъ на управленіе ея имѣніями, за что̀ будетъ получать десять тысячъ въ годъ. Оба преданные камердинера, Феликсъ и Лебланъ, видя, въ какія руки попадаетъ молодой графчикъ, со слезами протестовали, и самъ мальчикъ очень скоро понялъ, что за человѣкъ его новый воспитатель: «Изаръ долго при мнѣ оставаться не можетъ», сказалъ онъ Булгакову. Про швейцарку же, по имени Турнье, которую Малербъ втеръ къ графинѣ въ компаньонки, онъ говорилъ матери: «эта негодяйка вамъ льститъ и васъ обманываетъ, не желаю я ни ея ласкъ, ни общества». Мальчику было тогда только двѣнадцать лѣтъ, но онъ уже давно не питалъ къ матери ни страха, ни любви, ни уваженія. При жизни отца онъ боялся Феликса, который состоялъ при немъ дядькой, но послѣ смерти графа никто ужъ не имѣлъ на него вліянія. Предоставивъ воспитаніе сына Изару, графиня принялась, съ помощью Малерба, сочинять письмо къ государю, въ которомъ она просила уничтожить завѣщаніе мужа и назначить ее главной попечительницей вмѣсто Брокера. Всего больше сердило ее то, что Брокеръ, чтобъ спасти отъ нея завѣтную шкатулку, отданную ему на храненіе умирающимъ графомъ, отправилъ ее въ свое имѣніе. Въ этой шкатулкѣ хранился, между прочимъ, очень важный документъ: письмо дѣда къ императору Павлу, съ отвѣтомъ на него отъ царя и вотъ по какому поводу: болѣзненно настроенный государь, по какому-то взбалмошному подозрѣнію, вздумалъ предать свою супругу, императрицу Марію Ѳеодоровну, суду сената, съ приказаніемъ осудить ее на заключеніе въ монастырь, и повелѣлъ графу Ѳедору Васильевичу изготовить въ такомъ смыслѣ указъ. Хорошо зная несчастный нравъ душевно-больного царя, графъ ничего на это не возразилъ, но, вернувшись къ себѣ, написалъ ему письмо слѣдующаго содержанія: «Sire! Vos ordres s'executent et je suis occupé à composer le papier qui doit couvrir de boue tout votre règne. Puisse faire Dieu que vous n'ayez pas le malheur de le signer. Le bon Dieu vous a tout donné pour faire des heureux de votre vivant, mais vous vous rendez malheureux en vous créant des chimères et ne vous occupez qu'à écrire dans votre histoire des pages qui saliront votre règne. Gatchina. 8 Septembre 1799. Rostoptchine».

Государь отвѣтилъ на томъ же письмѣ: «Signor Rostoptchine, vous êtes un homme terrible, mais vous avez raison, qu'il n'en soit pas question! Paul» [1]).

[1]) «Ваше величество! Приказанія ваши исполняются, и я занятъ сочиненіемъ бумаги, которой суждено покрыть позоромъ все ваше царствованіе. Господь вамъ даровалъ все для счастья васъ окружающихъ, но вы дѣлаете себя несчастнымъ, создавая себѣ химеры, и заботитесь только о томъ, чтобы вписывать въ исторію вашего царствованія страницы, которыя замачкаютъ его».

Отвѣтъ царя на томъ же письмѣ: «Синьоръ Ростопчинъ, вы—ужасный человѣкъ, но вы правы, предадимъ это забвенію».

Отецъ мой, графъ Андрей Ѳедоровичъ, передалъ это письмо, въ 1837 году, графу Бенкендорфу для доставленія государю, и на слѣдующій день графъ ему сказалъ, что государь приказалъ его благодарить. Скажу здѣсь кстати, что въ бытность свою генералъ-губернаторомъ Москвы дѣдъ мой отъ жалованья своего отказывался, и что жена его пенсіи не просила. Она скончалась 84-хъ лѣтъ, въ Москвѣ, 16-го сентября 1859 года.

Когда мой отецъ, окончательно разорившись, уѣхалъ служить въ Сибирь въ 1868 году, я осталась безъ всякихъ средствъ къ существованію и жила изъ милости у брата моей матери, Сергѣя Петровича Сушкова. Тогдашній нашъ посланникъ въ Швейцаріи, добрѣйшій и почтеннѣйшій Алексѣй Петровичъ Озеровъ, женатый на двоюродной сестрѣ моей матери, Ольгѣ Егоровнѣ Пашковой, находясь въ гостяхъ у благоволившей къ нему великой княгини Елены Павловны, сообщилъ ея высочеству о моемъ положеніи, и великая княгиня прислала Озерову нижеслѣдующую записку, хранящуюся у меня, какъ драгоцѣнность: «Я хлопотала за Лидію Ростопчину, и если хлопоты мои ни къ чему не приведутъ, вы можете ее успокоить, передавъ ей о моемъ намѣреніи, въ случаѣ неудачи, назначить ей пенсію въ 600 рублей въ память добраго ея дѣда».

Великая княгиня оцѣнила благородный поступокъ дѣда, спасшій государя Павла отъ роковыхъ послѣдствій необдуманной вспышки гнѣва. Разсказалъ ли ея высочеству графъ Бенкендорфъ про выше приведенное письмо, или Озеровъ, но, принимая меня, она милостиво упомянула про это обстоятельство.

Другъ моей матери, князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, и графъ Александръ Владимировичъ Адлербергъ, узнавъ отъ меня, что въ просьбѣ о пенсіи мнѣ было первоначально отказано, подъ предлогомъ, что я не круглая сирота, отправились, первый къ императрицѣ Маріи Александровнѣ, а второй къ государю Александру II, просить за меня, и я получила пенсію не въ примѣръ другимъ. Никогда не забуду я, что первый починъ мнѣ помочь былъ сдѣланъ доброю, умною, истинно великою, великою княгинею Еленою Павловною.

VI.

Управленіе Вороновымъ и уничтоженіе всего хозяйства, устроеннаго графомъ Ѳедоромъ Васильевичемъ.—Мнѣніе графини о митрополитѣ Филаретѣ и о русскомъ духовенствѣ.—Возвращеніе старшаго сына.—Зачисленіе въ Пажескій корпусъ младшаго сына.—Изгнаніе семейства Брокера изъ Ростопчинскаго дома.—Искъ супруговъ Сегюръ.—Банкротство Ливіо и утрата 388 тысячъ франковъ.—Графъ А. Ѳ. даритъ ихъ сестрѣ.—Католическая семья Голицыныхъ.—Жалоба на дурное управленіе Брокера.—Онъ выигрываетъ дѣло въ сенатѣ.

Заручившись такимъ прекраснымъ управляющимъ, какъ французъ Изаръ, графиня Ростопчина принялась по-своему за управленіе имѣніемъ Вороновымъ. Графъ потратилъ много денегъ и заботъ, чтобъ привести это имѣніе въ блестящее состояніе. Онъ выписы-

валъ изъ-за границы опытныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ людей, машины, развелъ прекрасный скотъ и вообще слылъ за образцоваго хозяина. При немъ за одно масло выручалось до восьми тысячъ дохода въ годъ. Графъ обращалъ особенное вниманіе на пашню. Водворившись въ доставшемся ей имѣніи, графиня тотчасъ же приказала собрать крестьянъ и, прочитавъ имъ длинное нравоученіе, уснащенное напоминаніями о дьяволѣ, отпустила ихъ всѣхъ на оброкъ за двадцать рублей съ души. Потомъ она принялась продавать лѣсъ и скотъ за ничто и выгнала управителя Шрама, старика, прослужившаго двадцать лѣтъ ея мужу вѣрой и правдой. Оставь она все попрежнему, имѣніе давало бы 50 тысячъ доходу, но у нея была одна только забота—скорѣе уничтожить все, созданное мужемъ. Впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ она перебрала у Брокера 36 тысячъ на католическую церковь и на аббата Малерба, нагло льстившаго ей, называя ее святой праведницей, истинной матерью церкви. Надо же было поддержать такую лестную репутацію! Сыну своему она запретила посѣщать своего опекуна, живущаго въ одномъ съ ними домѣ, прекраснаго семьянина и примѣрнымъ образомъ воспитывавшаго своихъ дѣтей. Митрополита Филарета она во всеуслышаніе называла свиньей, а священниковъ нашихъ—пьяницами, прибавляя къ этому, что спастись можно только въ католической вѣрѣ.

Въ концѣ октября вернулся въ Москву ея старшій сынъ, Сергѣй Ѳедоровичъ, и тотчасъ же явился къ А. Я. Булгакову, чтобъ переговорить о братѣ, признавая, что онъ окончательно пропадетъ, если дольше останется съ матерью. Постоянное баловство довело мальчика до того, что онъ избилъ своего гувернера и чуть было не выкололъ ему глазъ. Никто не смѣлъ не только его наказывать, но даже дѣлать ему выговоровъ. Мать во всемъ ему потворствовала, въ надеждѣ заставить его перемѣнить вѣру, а до того времени его не обучали никакой религіи, и графиня на отрѣзъ запретила старшему сыну приглашать законоучителя къ брату. Напрасно старались ей доказать, что она поступаетъ наперекоръ россійскимъ законамъ, она оставалась неумолима, заставляла Андрюшу каждый день читать житія католическихъ святыхъ, что́ страшно ему надоѣдало, и посылала его въ католическую церковь, гдѣ онъ скучалъ и, слыша, какъ мать его постоянно осуждала православную религію, отсталъ и отъ нея, не приставъ къ той, которую ему навязывали почти силой. За этотъ непоправимый грѣхъ нельзя не винить особенно строго графиню Екатерину Петровну: она не только разорила сына, но вырвала изъ души его, вмѣстѣ съ вѣрой въ Бога, всѣ корни добра.

Къ счастью, во время коронаціи, Булгаковъ переговорилъ съ княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ насчетъ печальнаго положенія младшаго сына графа Ростопчина, а другой

опекунъ, Нарышкинъ, съ своей стороны тоже дѣйствовалъ, и, къ величайшей радости Брокера и Феликса, графиня получила письмо отъ младшей своей сестры, горбатой графини В. П. Протасовой, въ которомъ ее увѣдомляли, что младшій сынъ будетъ отъ нея взятъ, и что государь, въ ознаменованіе особаго уваженія къ памяти покойнаго Ѳедора Васильевича, беретъ на себя его воспитаніе. Можно себѣ представить, какой это былъ для нея ударъ! Однако надо было покориться, и она написала государю, что проситъ оставить у нея сына еще на нѣкоторое время для окончанія его «религіознаго воспитанія». Но такъ какъ именно во избѣжаніе этого и отнимали у нея сына, то на просьбу ея не обратили вниманія.

Въ этомъ она потерпѣла неудачу, но зато ей удалось сорвать злобу на Брокерѣ, котораго вслѣдствіе ея жалобы принудили оставить домъ Ростопчиныхъ черезъ полицію, опечатавъ предварительно всѣ его вещи и еще въ такое время, когда жена его была тяжко больна. Онъ былъ тогда уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и управлялъ дѣлами молодого графа такъ удачно, что, невзирая на удовлетвореніе постоянныхъ требованій графиней денегъ, ему удалось, въ первый же годъ своего управленія, отложить сумму въ сто двадцать тысячъ. Разставаясь съ сыномъ, графиня не могла больше пользоваться доходами на его содержаніе и воспитаніе, и съ притворнымъ смиреніемъ всѣмъ повторяла, что на жизнь ей остается теперь очень мало, что она должна жить въ лачугѣ и сократить всѣ свои расходы.

Въ то время у нея начались серьезныя непріятности съ любимой ея дочерью Софьей и съ ея мужемъ, Сегюромъ.

Кромѣ прелестнаго имѣнія въ Нормандіи, стоимостью въ сто тысячъ франковъ, роскошнаго приданаго, брильянтовъ и прочаго, графъ далъ дочери при ея замужествѣ 435 тысячъ рублей векселями, на имя банкира Ливіо. Векселя были отправлены Ливіо въ Парижъ. Сегюры извѣстили графа о ихъ полученіи, и графъ скончался, не узнавъ, что изъ всей суммы Сегюръ нашелъ нужнымъ взять только 55 тысячъ, остальное же оставить у Ливіо, не подавъ векселя къ протесту, чтобъ не уплатить пошлины. Ливіо обанкрутился вскорѣ послѣ смерти графа, и въ свое время инцидентъ этотъ надѣлалъ много шуму и горя и Москвѣ, о чемъ мнѣ не разъ случалось слышать. Графиня Сегюръ прислала Брокеру печатное заявленіе какого-то парижскаго адвоката, требовавшаго уплаты потерянныхъ за Ливіо его довѣрительницей суммъ, изъ имѣнія несовершеннолѣтняго Андрея Ѳедоровича. При этомъ, обходя молчаніемъ имѣнія матери и старшаго брата и не считая нужнымъ справляться съ русскими законами, адвокатъ надменно заявлялъ, что такъ принято поступать во Франціи, и что такой взглядъ на вещи обязателенъ для всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Домогательство

это, конечно, осталось безъ послѣдствій, малолѣтняго Ростопчина ограбить не удалось, и развязному адвокату отвѣтили, что когда наслѣдникъ будетъ совершеннолѣтній, то можетъ подарить хотя бы все свое состояніе сестрѣ, но до тѣхъ поръ распоряжаться ничѣмъ не имѣетъ права. «Насколько намъ извѣстно, молодой графъ Андрей, по совершеннолѣтіи, уплатилъ своей сестрѣ, графинѣ Сегюръ, требуемыя ею деньги», пишетъ Булгаковъ брату.

Это совершенно вѣрно. Когда моя тетка Софья Ѳедоровна, умная и добрая женщина, но порабощенная мужемъ, завладѣвшимъ всѣмъ ея состояніемъ и не дававшимъ ей ни гроша (вслѣдствіе чего у нея развилась страсть къ деньгамъ, если не для себя лично, то для дѣтей), продала свое имѣніе въ Нормандіи, я гостила у замужней ея дочери, Ольги Евгешевны Симаръ де-Питре, по близости бывшаго имѣнія ея матери, и въ моемъ присутствіи новый владѣлецъ, г-нъ Бодо, привезъ ей однажды нѣсколько картонокъ, забытыхъ ея матерью въ одномъ изъ шкафовъ библіотеки. Картонки эти оказались набитыми семейными бумагами, которыя мнѣ поручили привести въ порядокъ, и я нашла между ними нѣсколько писемъ дѣда и бабушки, литографированное дѣло Ливіо во множествѣ экземпляровъ и письмо графини де-Сегюръ къ брату (который былъ на 16 лѣтъ моложе ея), съ подобострастной просьбой уплатить потерянныя вслѣдствіе банкротства Ливіо деньги, прибавляя къ этому, что это съ его стороны будетъ милость, а не исполненіе долга. Тутъ же находился и отвѣтъ малолѣтняго графа, съ обѣщаніемъ исполнить ея просьбу, когда онъ достигнетъ совершеннолѣтія, а также письма бабушки, въ которыхъ, невзирая на все свое пристрастіе къ меньшей дочери, она укоряетъ ее въ жадности, скупости и опрометчивости относительно Ливіо. У отца моего былъ ужасный характеръ и вполнѣ необузданный нравъ, но сердце у него было благородное, и доказательствомъ его щедрости служитъ множество обогащенныхъ имъ людей, въ ущербъ собственныхъ его дѣтей.

2-го ноября, вскорѣ послѣ своего изгнанія изъ Ростопчинскаго дома, Брокеръ получилъ отъ графини письмо, съ извѣщеніемъ о необходимости ей ѣхать въ Петербургъ, чтобы отвезти сына въ лицей. «Затѣмъ,—пишетъ Булгаковъ брату,—она, какъ другая Крюднерша, проповѣдуетъ ему молиться о спасеніи его еретической души и кончаетъ, какъ всегда, требованіемъ денегъ». Отличительная черта католиковъ—ихъ вѣчная тревога о чужихъ душахъ, о спасеніи которыхъ они хлопочутъ несравненно больше, чѣмъ о своей собственной, но бабушка доводила это стремленіе до крайности и въ этомъ отношеніи переходила всякія границы приличія и уваженія къ чужой личности. Во всякую еретическую душу готова она была ворваться съ мечомъ въ одной рукѣ и со знаменемъ, украшеннымъ изображеніемъ дьявола, въ другой. Это знамя

никогда ея не покидало; неизмѣнный рогатый спутникъ постоянно украшалъ собою всѣ ея рѣчи и письма. Не смѣю думать, чтобъ она позволила себѣ пригрозить имъ императору Нпколаю Павловичу, знаю только, что въ письмѣ къ нему по поводу помѣщенія сына въ лицей она осмѣлилась выразить мнѣніе, что изъ заведенія этого выходятъ одни только повѣсы. Государь поручилъ князю А. Н. Голицыну ей отвѣтить, что онъ не раздѣляетъ ея мнѣнія на этотъ счетъ, но, не желая ей противорѣчить, приказываетъ помѣстить ея сына въ Пажескій корпусъ.

Въ то самое время, когда участь молодого Ростопчина рѣшалась такимъ благопріятнымъ для него образомъ, родная племянница его матери, княжна Голицына, имѣніемъ которой управлялъ грекъ Метакса, уѣхала во Францію и поступила тамъ въ монахини, со взносомъ въ 60 тысячъ рублей. Всѣ ея братья и сестры тоже перешли въ католичество, поженились и вышли замужъ за французовъ. Была между ними графиня Бертье и какая-то польская пани, Августинъ Голицынъ, отецъ красавицы герцогини де-Шобра, героини скандальнаго процесса, и братъ его Антоній, всѣ они жили и умерли въ Парижѣ. Ихъ младшій братъ Петръ, окрещенный сначала въ православную вѣру, потомъ окатолизованный матерью и бабкою, былъ снова обращенъ въ православіе, затѣмъ опять совращенъ матерью и наконецъ самъ не зналъ, къ какому вѣроисповѣданію онъ принадлежитъ: христіанинъ онъ или язычникъ. Когда онъ женился въ Москвѣ, его вѣнчали въ православной церкви и въ католической киркѣ, и только впослѣдствіи оказалось, что сдѣлали ошибку, потому что онъ православный. Тесть его жаловался на это всему городу, а молодой отшучивался тѣмъ, что онъ и счетъ потерялъ своимъ переходамъ изъ одной вѣры въ другую.

До отъѣзда своего въ Петербургъ графиня Ростопчина занималась тѣмъ, что скупала векселя своего старшаго сына. По наущенію совѣтниковъ своихъ, она купила, между прочимъ, за 14 тысячъ векселъ, за который Сергѣй Ѳедоровичъ получилъ всего только три тысячи и все въ томъ же родѣ. А между тѣмъ оклеветанный ею Брокеръ подалъ въ дворянскую опеку такой удовлетворительный отчетъ, что предводитель Вырубовъ заявилъ, что такой примѣрной опеки ему никогда не случалось видѣть. Проиграла графиня свое дѣло противъ этого достойнаго человѣка и въ сенатѣ, а комитетъ министровъ отказалъ ей въ просьбѣ замѣнить опекуна Нарышкина Масальскимъ.

VII.

Графъ Андрей Ѳедоровичъ въ Пажескомъ корпусѣ и въ кирасирскомъ полку.— Предполагаемый бракъ на сорокалѣтней полькѣ.—Раздробленные бриллианты и ихъ исчезновеніе.—Картинная галлерея графа.

Молодой графъ Ростопчинъ поступилъ въ Пажескій корпусъ и порученъ былъ почтенному Лонгинову, женатому на двоюродной сестрѣ покойнаго графа, Крюковой. Графиня же вернулась въ Москву, гдѣ наняла себѣ домъ по сосѣдству съ Масальскими.

По мнѣнію Булгакова, «она теперь, разставшись съ сыномъ, могла бы поступить хоть въ кухарки къ папѣ», но она предпочла сдѣлаться дойной коровой аббатовъ католической церкви. Оставимъ ее въ этой скромной, но убыточной должности, чтобъ сказать нѣсколько словъ о ея младшемъ сынѣ, котораго она такъ успѣла испортить въ два года пребыванія подъ ея вліяніемъ, что изъ него вышелъ неисправимый мотъ и шалопай. Уже съ шестнадцати лѣтъ онъ началъ мотать, уплатилъ сестрѣ 20 тысячъ и требовалъ у Брокера, поступая въ военную службу, 40 тысячъ.

Я хорошо помню его разсказъ о томъ, какъ, оставшись однажды одинъ въ кабинетѣ директора Пажескаго корпуса и найдя на столѣ метрическое свое свидѣтельство, онъ тутъ же лежащимъ перочиннымъ ножомъ выскоблилъ цифру 3 и замѣнилъ ее цифрой 2 въ годѣ своего рожденія и, возмужавъ такимъ образомъ на годъ впередъ, вошелъ раньше, чѣмъ слѣдовало, во владѣніе состояніемъ.

Поступилъ онъ въ гатчинскій кирасирскій полкъ и обратился къ Брокеру съ требованіемъ 50 тысячъ, грозя застрѣлиться въ случаѣ отказа, при чемъ онъ клялся, что деньги эти ему нужны не для уплаты карточнаго долга. Брокеръ отвѣчалъ, что онъ обязался честнымъ словомъ передъ его покойнымъ отцомъ не выдавать ему до совершеннолѣтія болѣе той суммы, что опредѣлена была на его содержаніе. Оказалось, что былъ данъ вексель личности, имени которой молодой графъ выдать не хотѣлъ. Скрытность эта очень тревожила Брокера; онъ боялся, чтобъ пылкій необузданный юноша не попалъ въ одно изъ тайныхъ обществъ, существовавшихъ тогда въ столицахъ и строго преслѣдуемыхъ правительствомъ. Онъ ошибался: отецъ мой никогда не принадлежалъ къ тайнымъ обществамъ, но онъ любилъ женщинъ и карты, и началъ очень рано кутить, а довѣрчивостью его и добротою всякій пользовался, кто только могъ. Въ невѣстахъ, навязываемыхъ ему, разумѣется, недостатка не было, и 17-ти лѣтъ отъ роду онъ чуть было не женился на матери одного изъ своихъ товарищей, который былъ намного его старше. Съ другой стороны подыскивала ему жену и его мать и нашла таковую въ лицѣ польки и католички. Дѣло зашло такъ далеко, что отецъ мой показывалъ уже

своимъ пріятелямъ брильянты, приготовленные имъ для невѣсты, и тогда одинъ офицеръ сознался ему въ своей связи съ этой самой невѣстой. Взбѣшенный такимъ открытіемъ, молодой графъ схватилъ шкатулку съ драгоцѣнностями, выбросилъ изъ нея все на полъ и растопталъ ногами, затѣмъ вышвырнулъ обломки въ окно, въ снѣгъ, дѣло было зимой. Присутствующіе выбѣжали подбирать эти драгоцѣнные обломки, но не всѣ принесли назадъ то, что нашли.

Фактъ этотъ былъ подтвержденъ генералъ-адъютантомъ Гогелемъ, бывшимъ товарищемъ отца по корпусу, и онъ же разсказывалъ, что отецъ мой приходилъ не разъ къ Гатчинскому пруду въ сопровожденіи двухъ солдатъ, съ мѣшками, наполненными серебряными рублями, которыя онъ для забавы бросалъ въ воду. Забава эта можетъ служить эмблемой его жизни: чванливаго швырянія деньгами. Будучи еще пажомъ, онъ зимой ѣлъ на дворѣ своего опекуна, Лонгинова землянику и кормилъ ею свою лошадь. Увидѣвъ это изъ окна, жена Лонгинова, Марья Александровна, замѣтила ему, что грѣшно давать животному такое дорогое лакомство, и онъ немедленно, пославъ камердинера за большимъ блюдомъ земляники къ Елисѣеву (стоило это въ то время 150 рублей), велѣлъ подвести свою лошадь подъ то окно, у котораго сидѣла его тетка, и далъ лошади опорожнить все блюдо. Понятно послѣ этого, что состоянія, оставленнаго ему отцемъ, хватило не надолго.

50 тысячъ требовались имъ у Брокера, вѣроятно, для женитьбы на старой полькѣ, сосватанной ему его матерью. Что же касается до брильянтовъ, вынутыхъ большей частью изъ табакерокъ, изъ которыхъ одна, пожалованная дѣду австрійскимъ императоромъ во время Суворовской кампаніи, была оцѣнена въ 75 тысячъ рублей, брильянты эти были самымъ наглымъ образомъ похищены извѣстнымъ антикваріемъ и ростовщикомъ В. К. въ Москвѣ. Мы жили тогда на Спиридоновкѣ, въ домѣ Рахманова. Теперь это большой трехъэтажный домъ Раевскаго, а тогда домъ этотъ представлялъ изъ себя особнякъ со множествомъ флигелей для службъ. Отецъ пригласилъ къ себѣ В. К. и отдалъ ему деньги, которыя онъ у него занялъ подъ залогъ брильянтовъ. В. К. преспокойно положилъ деньги въ карманъ и, не возвращая векселя, взялъ назадъ шкатулку съ драгоцѣнностями и направился къ двери. — А вексель мой? — закричалъ озадаченный отецъ. — А вы развѣ его у меня спросили?—отвѣтилъ наглый мошенникъ и быстро вышелъ. Я помню, что мать моя не разъ упрекала отца за то, что онъ не выбѣжалъ за нимъ и не приказалъ людямъ задержать вора. Отецъ жаловался, но такъ какъ свидѣтелей этой наглой продѣлки не было, то брильянты пропали безслѣдно.

Впослѣдствіи, послѣ смерти В. К., сынъ его втерся въ довѣріе моего отца, и когда этотъ послѣдній вздумалъ продавать свою драгоцѣнную картинную галлерею, онъ послалъ ее въ Парижъ съ этимъ достой-

нымъ сыномъ вора, не взирая на просьбы маменьки, по крайней мѣрѣ, застраховать ввѣряемыя такъ опрометчиво драгоцѣнности. Отецъ разсердился на эти совѣты, увѣряя, что считаетъ молодого В. К. за честнѣйшаго человѣка. Вскорѣ было получено извѣстіе, что вслѣдствіе сильной бури корабли, нагруженные картинами, потерпѣли крушеніе въ Балтійскомъ морѣ, и что удалось спасти только нѣсколько ящиковъ, которые перевезли обратно въ Петербургъ, и которые находятся въ таможнѣ.

Сконфуженный отецъ, сообщивъ женѣ о случившемся, поспѣшилъ въ Петербургъ. Въ письмѣ, у меня уцѣлѣвшемъ, онъ разсказываетъ, что, когда внесли къ нему спасенные ящики, онъ былъ пораженъ стукомъ картинъ, колотившихся одна о другую рамами. А между тѣмъ укладывали ихъ въ его присутствіи въ ящики, нарочно для нихъ заказанные по размѣрамъ каждой изъ нихъ. Оказалось, что предусмотрительная буря позаботилась переложить ихъ такимъ образомъ, чтобъ поглотить самыя лучшія, а остальныя кое-какъ размѣститъ по ящикамъ, не соображаясь съ ихъ величиной. Эти жалкіе остатки богатѣйшей галлереи отецъ продалъ за 46 тысячъ рублей. Когда во время коронаціи государя Александра II насъ съ сестрой привезли на маленькій балъ къ французскому послу, графу де-Морни, мы въ одной изъ гостиныхъ остановились въ изумленіи передъ картинами, украшавшими стѣны. — Нашъ Вато! Нашъ Вуверманъ!—вскричали мы. — Откуда у васъ эти картины, графъ? — обратилась наша мать къ хозяину дома. Онъ отвѣчалъ, что купилъ ихъ на какомъ-то аукціонѣ и заплатилъ за нихъ очень дорого. И дѣйствительно картина Вато очаровательна и меньше ста тысячъ не могла стоить. Дѣло этимъ и кончилось.

Графиня Л. А. Ростопчина.

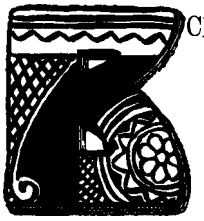
(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРАВДА О МОЕЙ БАБУШКѢ [1].

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

VIII.

Начало моихъ собственныхъ воспоминаній.—Стихотвореніе «Насильный бракъ».—Выписки изъ біографіи, составленной С. П. Сушковымъ.—Отзывъ о графинѣ Е. П. Ростопчиной князя Александра Васильевича Мещерскаго. — Гоненія критики. — Домъ Пашковыхъ въ Москвѣ.—Свадьба въ 1833 году.

СЕ ВЫШЕПРИВЕДЕННОЕ, мнѣ кажется, достаточно ярко обрисовываетъ личность моей бабушки. Она въ своемъ обществѣ представляла вѣрный типъ тѣхъ грозныхъ «самодуршъ», изъ среды которыхъ вышла свекровь бѣдной Катерины въ «Грозѣ» Островскаго. Отъ той топились въ рѣкѣ, отъ этой населялась Сибирь. Даже теперь, въ старости, я трепещу, когда вспоминаю обиды, униженія, насилія души и ума, которыми настрадались всѣ родные и приближенные этой бездушной вѣроотступницы.

Мои собственныя воспоминанія начинаются съ 1847 года, когда родители мои вернулись изъ-за границы. Они сначала остановились въ Петербургѣ, гдѣ провели два мѣсяца, но положеніе моей матери при дворѣ сильно пошатнулось послѣ напечатанія ея извѣстнаго стихотворенія «Насильный бракъ». (Смотри біографиче-

---

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XCV, стр. 427.

скій очеркъ, написанный Сергѣемъ Петровичемъ Сушковымъ, съ предисловіемъ къ избранному изданію сочиненій его сестры, 1890, Спб., типографія И. Н. Скороходова).

Привожу отрывокъ изъ этого очерка (стр. XV): «Аллегорическій смыслъ—съ ошибочной точки взгляда—о политическомъ отношеніи Польши къ Россіи былъ выраженъ въ балладѣ «Насильный бракъ» настолько явственно, что не оставалось никакой возможности этого не понять и отрицать. А, между тѣмъ, въ продолженіе немалаго времени послѣ появленія этого анонимнаго стихотворенія въ «Сѣверной Пчелѣ», никто не обратилъ вниманія на него и не разгадалъ его смысла. Выше было мною разсказано, какъ велико было милостивое расположеніе императора Николая Павловича къ моей сестрѣ, а потому появленіе въ печати этой безразсудной ея баллады, смѣю думать, должно было, не только изумить государя, но вмѣстѣ съ тѣмъ опечалить и прогнѣвить, какъ поступокъ съ ея стороны неблагодарный въ отношеніи къ нему лично. Но всегда вѣрный своимъ чувствамъ великодушія и высокаго рыцарскаго благородства, особенно въ отношеніи къ женщинамъ, государь Николай Павловичъ, при всеподданнѣйшемъ докладѣ шефа жандармовъ о заподозрѣнномъ въ балладѣ аллегорическомъ смыслѣ, повелѣлъ оставить это дѣло безъ послѣдствій. Осенью сестра моя возвратилась вмѣстѣ съ семействомъ изъ заграничной поѣздки въ Петербургъ, гдѣ прожила два мѣсяца совершенно спокойно: никто и ничто не напоминало ей о злополучной балладѣ, а затѣмъ Ростопчины переселились на жительство въ Москву, въ домъ матери графа А. Ѳ., жившей въ одиночествѣ. Но когда послѣ того при первомъ высочайшемъ пріѣздѣ въ Москву графиня Е. П., успокоенная полною безотвѣтственностію за свое легкомысленное поэтическое увлеченіе и ошибочно предполагая, что государь не изволилъ признать аллегорическаго смысла въ стихотвореніи «Насильный бракъ», отважилась пожелать чести представиться ихъ величествамъ въ числѣ прочихъ московскихъ дамъ, государь гнѣвно велѣлъ не допускать ея во дворецъ. Для моей сестры наказаніе это было горькое и тяжелое, но вполнѣ ею заслуженное. Въ задушевныхъ разговорахъ между нами она искренно сознавала свою вину и каялась въ написаніи этого злополучнаго стихотворенія, которое вырвалось изъ-подъ ея пера совершенно случайно и необдуманно, подъ впечатлѣніемъ слышанныхъ ею за границею ложныхъ и вздорныхъ толковъ о политическомъ положеніи Польши, судьбою которой она никогда прежде не интересовалась и ничего опредѣленнаго по этому вопросу не знала, какъ и большинство тогдашняго русскаго общества, не только женскаго, но даже и мужского. Для смягченія этого единственнаго въ жизни моей сестры проступка передъ родиной желаю напомнить, что она всегда была пламенною патріоткою, какъ это фактически до-

казывается содержаніемъ многихъ ея стихотвореній. Къ великой личности государя Николая Павловича неизмѣнно хранилось въ ея сердцѣ чувство живѣйшей любви и преданности, которое ярко высказалось въ прекрасныхъ стихахъ «На кончину императора Николая I», излившихся изъ глубины душевной скорби послѣ возвращенія 21-го февраля 1855 года отъ панихиды въ Чудовомъ монастырѣ (Сергѣй Сушковъ)».

Родители мои поселились на Старой Басманной въ домѣ бабушки. Но, прежде чѣмъ приступить къ своимъ собственнымъ воспоминаніямъ, я должна пополнить пробѣлъ, отдѣляющій пажескую жизнь отца моего отъ его женитьбы.

Послѣ неудачи своей со зрѣлой полькою отецъ мой бросился въ омутъ всевозможныхъ кутежей. Когда друзья отца его являлись къ графинѣ Е. П—ѣ съ увѣщаніями, уговаривая ее употребить свою материнскую власть, чтобы остановить повѣсу, она неизмѣнно отвѣчала: «покойный мужъ мой отнялъ у меня мои права и отстранилъ меня отъ воспитанія сына моего; пусть же все зло отъ его дурного воспитанія и поведенія падетъ на его память». И она радовалась, что на томъ свѣтѣ неоцѣнившій ее супругъ страдаетъ и тоскуетъ, видя, какъ погибаетъ душа его сына. Итакъ, никѣмъ не предостерегаемый, необузданный и пылкій юноша, окруженный льстецами и попрошайками, шибко шагалъ по дорогѣ къ разоренію и къ ослабленію его нравственнаго облика. Не зная себѣ удержу ни въ чемъ, онъ даже осмѣлился шутить съ самимъ государемъ! Посаженный имъ на гауптвахту въ Гатчинѣ, онъ отправлялся въ Петербургъ въ театръ и садился въ первыхъ рядахъ, въ партикулярномъ платьѣ и съ наклеенными усами или бакенами. Когда онъ замѣчалъ, что государь, узнавъ его, отдавалъ приказаніе арестовать его, графъ Андрей Ѳеодоровичъ поспѣшно уходилъ, садился на ожидавшую его тройку и летѣлъ въ Гатчино, мѣняя лошадей. Когда посланный пріѣзжалъ наконецъ на гауптвахту, онъ находилъ провинившагося, повидимому, крѣпко спящимъ. Эти дерзкія выходки очень сердили государя, и онъ обрадовался, когда отецъ мой подалъ въ отставку и поѣхалъ въ Москву. Ему было тогда 19 лѣтъ, но онъ былъ такъ плѣшивъ и старообразенъ, что на видъ казался вдвое старѣе.

Пріѣхавъ въ Москву съ намѣреніемъ жениться и остепениться, отецъ намѣтилъ себѣ трехъ первыхъ московскихъ красавицъ того времени: Евдокію Петровну Сушкову, которой минуло 21 годъ, княжну Надежду Сергѣевну Долгорукую, вышедшую впослѣдствіи за брата моей другой бабушки, Сергѣя Ивановича Пашкова, и ея двоюродную сестру, Екатерину Александровну Булгакову, дочь вѣрнаго и преданнаго друга графа Ѳеодора Васильевича и человѣка, осмѣлившагося понять и презирать графиню Екатерину Петровну, не говоря уже про то, что онъ былъ другомъ и защитникомъ не-

нависнаго Брокера. Мать поспѣшила остановить сына на пути привязанности къ дѣвицѣ Булгаковой, сообщивъ ему, что она была будто бы дочерью его отца Кто читалъ письма Булгакова, помнитъ, что дѣдъ мой, уже не молодой человѣкъ, только что пріѣхалъ тогда въ Москву, гдѣ познакомился со счастливою, молодою четою Булгаковыхъ — все въ характерѣ и обстоятельствахъ его дружбы съ Александромъ Яковлевичемъ вопіетъ противъ подобной клеветы, но молодой человѣкъ повѣрилъ ей и сталъ ухаживать за молодой Сушковой.

Мать моя воспитывалась у своего дѣда и бабушки, Ивана Александровича и Авдотьи Васильевны Пашковыхъ, со своими двумя братьями Сергѣемъ и Дмитріемъ, такъ какъ рано овдовѣвшій отецъ ея былъ начальникомъ Оренбургскаго таможеннаго округа. Въ напечатанномъ мною и сестрою моею, графинею Ольгою Андреевною Торніелли (мужъ которой теперь состоитъ итальянскимъ посломъ въ Парижѣ), изданіи избранныхъ сочиненій нашей незабвенной матери находится пространное предисловіе, написанное дядею моимъ, Сергѣемъ Петровичемъ. Читатель найдетъ тамъ много интересныхъ подробностей, которыми не считаю возможнымъ воспользоваться. Ограничусь только слѣдующимъ отрывкомъ изъ воспоминаній почтеннаго князя Александра Васильевича Мещерскаго, напечатанныхъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1900 г. (книга 12, стр. 611).

«1841 годъ Ревель и Гельсингфорсъ. Послѣ того, какъ я былъ представленъ графу Армфельдту у Авроры Карловны Демидовой, я также въ первый разъ познакомился съ графиней Ростопчиной, извѣстной нашей талантливой поэтессой. Она была тогда лѣтъ 25-ти (нѣтъ, 30-ти, родилась въ декабрѣ 1811 года), очень живая и умная, ея разговоръ походилъ на блистательный фейерверкъ. Я помню, что во время первой моей съ нею бесѣды я, признаюсь откровенно, какъ новичекъ, былъ ослѣпленъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очарованъ блескомъ ея остроумія, которое лилось въ ея рѣчи, какъ изъ неисчерпаемаго источника. Блескъ ея ума могъ соперничать развѣ съ блескомъ ея обыкновенно задушевныхъ и томныхъ глазъ, когда она хотѣла кому нибудь нравиться. Небольшого роста, съ очень правильными и точеными чертами, при смугломъ цвѣтѣ лица, съ большими глазами и длинными темными рѣсницами, она, къ сожалѣнію, была очень близорука и поэтому постоянно должна была носить лорнетку, которая заслоняла и мѣшала видѣть всю прелесть ея глазъ. Одаренная необыкновенною памятью, она знала иностранную литературу, какъ свою отечественную. Если ко всѣмъ ея дарованіямъ и привлекательной наружности добавить еще отзывчивость и пламенную ея любовь къ нравственнымъ идеаламъ, то получится типъ такой героини романа, лучше котораго едва ли могъ бы создать самый талантли-

вый поэтъ или романистъ. Такова была графиня Ростопчина, когда я съ нею познакомился».

Покойный князь Мещерскій прекрасно описалъ мою мать. Да будетъ позволено мнѣ, послѣ отталкивающей и леденящей особы моей бабушки, отдохнуть немного на свѣтлой, очаровательно доброй и умной личности моей дорогой матери! Я лишилась ея двадцати лѣтъ, но память о ней такъ же свѣжа и священна, въ моей душѣ, какъ въ первый день этой утраты! Долго, въ продолженіе многихъ лѣтъ, не могла я даже произносить равнодушно ея имени, и до сихъ поръ изъ моихъ засохшихъ отъ лѣтъ глазъ льются слезы, когда я вспоминаю про нее. Кромѣ всѣхъ прелестей ума, которыя она расточала, не скупясь, на дѣтей и на всѣхъ домочадцевъ, доброта ея была безконечна. Она постоянно помогала нѣсколькимъ семьямъ, давала деньги въ займы (безъ возврата) всей нуждающейся литературной братіи; все, что получала она до изданія ея стихотвореній Смирдинымъ, отдавала она князю В. Ѳ. Одоевскому для основаннаго имъ благотворительнаго общества (въ огромной, переписанной мною перепискѣ матери моей съ Жуковскимъ, Погодинымъ, Плетневымъ, Островскимъ и пр. я нашла письма князя Одоевскаго объ этомъ).

Madame Mainté, наша гувернантка, умершая у насъ въ 1860 году, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, постоянно ссорилась съ матерью по поводу ея щедрости и напоминала ей, что тотъ самый литераторъ, котораго она выручила изъ бѣды, публично осмѣялъ ее, или напечаталъ про нее что либо дурное. «Но онъ нуждается, Богъ съ нимъ! — отвѣчала она: — идите, Mainté (какъ мы называли добрую француженку), и заложите эту брошь, надо бѣднягѣ на доктора или на роды женѣ»... Когда мать моя скончалась, всѣ ея вещи буквально были заложены, и пришлось ихъ выкупать. Сама она лично мало тратила на себя, все шло на друзей, а друзья эти послѣ ея смерти осмѣивали ее въ своихъ воспоминаніяхъ... Горько, очень горько и больно было намъ, дочерямъ, такъ свято хранившимъ священную для насъ память, читать все, что печаталось ложнаго, завѣдомо выдуманнаго, противъ женщины столь рѣдкой доброты и незлобивости! Не помнить зла было даже не достоинствомъ въ ней, а самою обыденною чертою ея характера. Гоненія критики, нападки и насмѣшки славянофильской партіи, не простившей ей ея «западничества», заставляли ее болѣе смѣяться, чѣмъ негодовать. Почти всеобщее гоненіе, замѣнившее прежнія восторженныя похвалы ея лирическому дарованію, было начато Бѣлинскимъ. Мать моя нашла его слишкомъ дурно воспитаннымъ для посѣщенія ея аристократическихъ вечеровъ въ Петербургѣ, и оскорбленный критикъ отретировался, грозя своимъ опаснымъ кулакомъ, обрушившимся на гордую аристократку, на свѣтскую женщину, которая любила балы, музыку, роскошь и смѣла признаваться въ этомъ. Слѣдуя по стопамъ великаго критика,

увлеченнаго уязвленнымъ самолюбіемъ, Огаревъ написалъ свою «Отступницу».

По поводу «Отступницы» Сергѣй Сушковъ говоритъ: «Считаю нужнымъ привести главную часть курьезнаго стихотворенія, столь хорошо обрисовывающаго сумбуръ, бродившій въ головѣ Н. П. Огарева. При этомъ я долженъ объяснить, что онъ познакомился съ моею сестрою, когда она была дѣвочкою 14-ти лѣтъ, а онъ еще учился въ Московскомъ университетѣ и посѣщалъ въ домѣ Пашковыхъ гувернантку, англичанку А. Е. Горнситеръ, которая раньше жила въ семействѣ Огарева.

ОТСТУПНИЦА.

. . . . . .
Вы мнѣ вручили благосклонно
Тетрадь завѣтную стиховъ,
Не помню—слогъ стихотвореній
Хорошъ ли, не хорошъ онъ былъ,
Но ихъ свободы гордый геній
Своимъ дыханьемъ освятилъ.
Съ порывомъ страстнаго участья
Вы пѣли вольность и слезой
Почтили жертвы самовластья [1]).
. . . . . .
Промчалась, полная невзгоды
Отъ васъ далеко жизнь моя.
. . . . . .
И какъ-то случай свелъ насъ снова [2])
Въ порѣ печальныхъ зрѣлыхъ лѣтъ...
Уже хотѣлъ я молвить слово,
Сказать вамъ дружескій привѣтъ,
Но вы какому-то французу
Свободу поносили вслухъ
И русскую хвалили музу
За подлый складъ, за рабскій духъ.
Меня тогда вы не узнали—
И я былъ радъ. Я увидалъ,
Какъ низко вы душою пали...
И васъ глубоко презиралъ.
. . . . . .
Мнѣ жалко васъ. Съ иною дамой
Я расквитался бъ эпиграммой;
Но передъ вами смѣхъ молчитъ,
И грозно рѣчь моя звучитъ:
Покайтесь грѣшными устами,
Покайтесь искренно, тепло.
Покайтесь съ горькими слезами,
Покуда время не ушло.

---

[1]) Мать моя написала тогда стихотвореніе на декабристовъ, ею послѣ сожженное. Я никогда не слыхала его. Л. Р.

[2]) Въ Парижѣ въ 1847 году.

Просите доблестно (!) прощенья
Въ измѣнѣ вѣтреной своей
У молодого поколѣнья,
У всѣхъ порядочныхъ людей!
. . . . . .
И нѣтъ стыда просить прощенья,
И сердцу сладостно прощать...
И даже я на примиренье
Готовъ по правдѣ вамъ сказать,
И словъ моихъ тѣмъ не ослаблю:
Я бъ и Клейнмихеля простилъ,
Когда бъ онъ дѣвственную саблю
За безкорыстность обнажилъ.

«Нельзя,—продолжаетъ С. Сушковъ,— придумать ничего нелѣпѣе и смѣшнѣе этого набора пустозвонныхъ фразъ: въ 1825 году минуло Евдокіи Сушковой только 14 лѣтъ, какія же политическія убѣжденія о свободѣ и вольности могла имѣть она въ этомъ дѣтскомъ возрастѣ? Графинѣ Ростопчиной не въ чемъ было каяться, и за нею не было никакой измѣны; если она въ своемъ отрочествѣ оплакала сострадательными стихами горькую судьбу несчастныхъ, но заблуждавшихся, благородныхъ и честныхъ людей (какъ декабристы это доказали во время долголѣтней ссылки ихъ въ Сибири), сдѣлавшихся искупительною жертвою злополучнаго стеченія обстоятельствъ того времени, то юное ея сострадательное сердце оплакало ихъ участь вмѣстѣ съ цѣлымъ русскимъ обществомъ. Нѣтъ ничего общаго, и не можетъ быть никакого сравненія между декабристами и тѣми безразсудными соціалистами, нигилистами, анархистами позднѣйшаго времени, которыхъ сумасбродный Огаревъ величаетъ громкимъ названіемъ «молодого поколѣнія и порядочныхъ людей». И передъ ними-то онъ призываетъ графиню Ростопчину каяться, у нихъ-то просить прощенія! Приплетеніе сюда, совсѣмъ уже ни къ селу, ни къ городу, имени Клейнмихеля составляетъ букетъ нелѣпости и комизма!»

Я сказала выше, что статья Бѣлинскаго была первою стрѣлою, пущенною «порядочнымъ обществомъ» въ мою мать. Въ этой ея автобіографіи я почерпаю слѣдующія подробности.

«Въ 1852 году,—пишетъ С. Сушковъ,—неожиданно возникла въ нѣкоемъ, плачевной памяти, литературномъ кружкѣ ненависть противъ графини Евдокіи Ростопчиной, единственно только потому, что она была женщина глубоко-религіозная, здравомыслящая и горячая патріотка въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ. Когда во второй половинѣ сороковыхъ годовъ у насъ появилось и стало распространяться среди незрѣлой, полуобразованной и легкомысленной молодежи пагубное направленіе безразсудныхъ идей въ духѣ нигилизма, соціальной демократіи и анархіи, стремившихся къ отрицанію и разрушенію всѣхъ разумныхъ, нравственныхъ и рели-

гіозныхъ основъ въ жизни семейной, общественной и государственной, то знаменоносцемъ и проводникомъ въ литературѣ этого тлетворнаго направленія явился журналъ «Современникъ», перешедшій въ 1847 году отъ П. А. Плетнева въ руки Панаева и Некрасова, хотя они оба были люди умные и талантливые, но самые пустые и легкомысленные, которые только думали объ удовольствіяхъ жизни и были совершенно неспособны къ серіозному труду веденія нелегкаго журнальнаго дѣла, вслѣдствіе чего вышло, что они отдались всецѣло въ руки ими приглашенныхъ сотрудниковъ, которые сдѣлались дѣйствительными редакторами журнала и дали ему направленіе на свой ладъ. Некрасовъ, по крайней мѣрѣ, сочувствовалъ, хотя на словахъ, мнимолиберальнымъ теоріямъ этихъ безразсудныхъ своихъ сотрудниковъ, какъ это видно изъ нѣсколькихъ его жалостныхъ стиховъ о горькой судьбинѣ нашего простого народа, которые онъ писалъ въ своемъ комфортабельномъ кабинетѣ въ промежуткахъ между вкуснымъ обѣдомъ и гастрономическимъ ужиномъ, или же послѣ крупнаго карточнаго выигрыша въ англійскомъ клубѣ; но на дѣлѣ онъ ничего не сдѣлалъ и не пожертвовалъ ни одного рубля для облегченія той тяжкой участи бѣднаго люда, о которой онъ такъ краснорѣчиво печалился въ звучныхъ стихахъ. Что же касается до И. И. Панаева, то по его характеру, привычкамъ и образу жизни онъ былъ совершенно «невмѣняемъ» за направленіе «Современника» и никакого собственнаго мнѣнія не имѣлъ.

«По своему общественному положенію, образу мыслей, убѣжденіямъ и чувствамъ, графиня Е. П. Ростопчина не могла имѣть никакого соприкосновенія и ничего общаго съ вдохновителями и заправилами «Современника», и въ разныхъ ея сочиненіяхъ нерѣдко высказывались воззрѣнія, совершенно противоположныя духу и стремленіямъ этого журнала. Между прочимъ, въ 1851 году, было напечатано въ № 11 «Москвитянина» письмо Евдокіи Петровны къ Ѳ. Н. Глинкѣ, которое возбудило противъ нея сильнѣйшее негодованіе въ редакціи «Современника». Содержаніе письма показываетъ, что оно было вызвано восторженнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на графиню чтеніемъ Ѳ. Н. Глинкою какой-то имъ написанной поэмы высоко религіознаго содержанія, о которой она писала ему слѣдующее: «Слушая эту чудную библейскую эпопею, столь близкую всякой душѣ христіанской, всякому сердцу, ублаженному даромъ утѣшенія и молитвы,—я была изъята изъ нашего міра и вѣка, перенесена въ какое-то другое, лучшее время, время простоты, теплоты жизни и вѣры, время, непохожее на эту тяжкую пору безвѣрія, нелюбія и лжеученій мнимой истины философіи... Вся эта поэма любви, вѣры, богознанія, все это казалось мнѣ такимъ нежданнымъ, но желаннымъ явленіемъ въ теперешнее навожденіе прозы, реализма и скудости духовной, прикрытой внѣшнимъ име-

немъ разума и разсудка, что я предавалась восторженно и сладко обаянію, увлекавшему и душу мою, и мечту, и слухъ, и сердце».

«Эти прекрасныя чувства и мысли, съ которыми всегда согласится каждый разумный и благонамѣренный человѣкъ, возбудили взрывъ негодованія въ редакціи «Современника», гдѣ, по вѣрной поговоркѣ: «на ворѣ шапка горитъ», приняли письмо графини Ростопчиной за дерзкое выступленіе на открытую борьбу противъ нигилистическаго направленія ихъ журнала... Черезъ три мѣсяца было окончено (въ мартѣ 1852 г.) печатаніе въ «Москвитянинѣ» романа «Счастливая женщина»... въ библіографическомъ отдѣлѣ апрѣльской книжки «Современника» появилась небольшая замѣтка неизвѣстнаго автора, заключавшая самое пошлое, тривіальное, прямо сказать, лакейское глумленіе надъ содержаніемъ этого романа... Чувство раздраженія еще болѣе усилилось и укрѣпилось послѣ написаннаго ею прекраснаго стихотворенія, въ іюлѣ 1852 года. «Ода поэзіи»... Въ 1856 году, по случаю выхода перваго тома второго изданія стихотвореній графини Ростопчиной, была напечатана въ «Современникѣ» рецензія опять неизвѣстнаго автора, составлявшая явленіе въ своемъ родѣ изумительное, необычное, безпримѣрное въ литературной критикѣ. Это не былъ критическій обзоръ стихотвореній, но самыя грубыя нападки, самое неприличное глумленіе надъ личностью автора! Истинный и прямой смыслъ ея поэтическихъ произведеній извращался въ этой рецензіи самымъ наглымъ образомъ, съ приписаніемъ имъ характера пошлаго, безнравственнаго и при дерзкомъ перенесеніи этихъ оскорбительныхъ выводовъ на характеристику самого автора стихотвореній. Нахальство анонимнаго рецезента дошло до такой крайности, что онъ имѣлъ безстыдство выставить единомышленниками своихъ грубыхъ и неблагопристойныхъ издѣвательствъ надъ личностью и произведеніями графини Ростопчиной—кого же? — Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова, этихъ всѣмъ извѣстныхъ друзей графини. Эта безобразная статья была написана, очевидно, по спеціальному заказу редакціи журнала, или кѣмъ либо изъ главныхъ въ немъ заправилъ.

«Весьма понятно, что графиня Ростопчина не могла отнестись совершенно равнодушно и безучастно къ этимъ злобнымъ выходкамъ противъ нея; но на такое грубое, низкое оскорбленіе надлежало ей отвѣчать съ достоинствомъ спокойнаго пренебреженія. Такъ именно и поступила она, спустя полгода, въ прекрасныхъ стихахъ, подъ названіемъ «Моимъ критикамъ». Позднѣе, въ іюлѣ 1857 г., написала графиня еще и другое стихотвореніе «Простой обзоръ», въ которомъ ярко выставлялись въ наглядныхъ практическихъ примѣрахъ пагубные плоды того направленія идей и стремленій, которыхъ передовые глашатаи и пропагандисты, съ Чернышевскимъ во главѣ, свили себѣ притонъ въ редакціи «Современника».

«Настоящій біографическій очеркъ былъ уже написанъ мной, когда недавно я узналъ изъ статьи «Некрологъ Н. Г. Чернышевскаго», напечатанной въ декабрьской книжкѣ 1889 г. «Историческаго Вѣстника», доселѣ остававшееся мнѣ неизвѣстнымъ имя автора упомянутой безобразной рецензіи въ «Современникѣ» 1856 года: это былъ самъ Чернышевскій! Немудрено, что ученикъ его, такой же семинаристъ, какъ и онъ самъ, Добролюбовъ, написалъ подъ его руководствомъ критику на романъ «У пристани» по образцу рецензіи своего учителя. Этотъ новозавербованный сотрудникъ журнала, еще несовершеннолѣтній юноша, получившій воспитаніе въ провинціальной семинаріи, гдѣ, конечно, не могъ онъ научиться правиламъ свѣтскаго приличія и вѣжливости, обязательныхъ въ благовоспитанномъ обществѣ, разразился съ необузданною и прямо бурсацкою грубостью противъ личности автора романа, женщины, принадлежавшей къ аристократическому обществу и не подававшей ни малѣйшаго повода для подобнаго рода оскорбительныхъ выходокъ противъ нея» (Сергѣй Сушковъ).

Вотъ каковы были критики сочиненій моей матери! Вотъ какія оскорбленія перенесла она и все простила! Беззащитную женщину ругали, позорили, подымали на смѣхъ, потомъ началось то, что французы называютъ «la conspiration du silence», заговоръ молчанія. Даже Аксаковъ въ своемъ сочиненіи о тестѣ, Ѳ. И. Тютчевѣ, называя всѣхъ извѣстныхъ поэтовъ, ни слова не сказалъ про графиню Ростопчину... правда, что онъ и про князя П. А. Вяземскаго забылъ. Горько обиженная, я написала милому, умному старцу, другу моей матери, прося его вступиться за себя и за мать, онъ отвѣтилъ мнѣ, что слишкомъ старъ, и совѣтовалъ написать мнѣ самой: «рубите съ плеча». Но я не Петръ Великій, ни топора, ни дубинки не имѣю, я смолчала.

Въ роскошномъ домѣ въ Москвѣ, на Моховой, гдѣ нынѣ находится Румянцевскій музей, благородное и изящное зданіе во вкусѣ Растрелли, жила по-барски огромная семья Пашковыхъ,—женатые, замужнія, вдовы, дѣвицы, дѣти, приживалки, учителя, дворня, все это ютилось около почтенной четы. Переписка братьевъ Булгаковыхъ освѣтила достаточно безпечную и веселую жизнь нашихъ тогдашнихъ баръ; это была настоящая Аркадія, гдѣ срывали цвѣты удовольствія съ утра до ночи, порхали по лужайкамъ, переодѣвались въ различные костюмы, ѣздили цѣлымъ обществомъ потанцовать или покушать, а въ карты играли всегда и вездѣ. Отечественная война пріостановила шаловливую жизнь нашихъ аркадскихъ прадѣдовъ; погоревавъ о пожарѣ, о сожженной матушкѣ Москвѣ, немного остепененные, они снесли на чердакъ вѣнки Психеи и Авроры, цѣпи изъ розъ устарѣвшихъ амуровъ, арфы поэтическихъ нимфъ и взамѣнъ этого хлама запаслись картами. Засѣла вся матушка Москва за ломберными столами—одна молодая Суш-

кова сидѣла за письменнымъ столомъ и украдкою писала стихи. Рано развилось ея поэтическое дарованіе; прекрасно изучивъ французскій, нѣмецкій и англійскій языки, впослѣдствіи даже итальянскій, она тайкомъ упивалась чтеніемъ великихъ поэтовъ и исписала много альбомовъ выписками изъ нихъ. Несмотря на то, что тогда первенствовалъ французскій языкъ, она знала и любила свой родной; ея стихотворенія безъ подписи уже были извѣстны всей Москвѣ, когда бабушка ея, Авдотья Васильевна, узнавъ про это, ужаснулась; взявъ образъ со стѣны, она хотѣла заставить непокорную внучку поклясться, что она перестанетъ писать: «недостойно, молъ, дворянской дѣвицѣ заниматься подобнымъ образомъ». Мать моя клятвы не дала, обѣщалась только ничего не печатать до брака и стала предметомъ насмѣшекъ и язвительныхъ укоровъ незамужней тетки и нѣкоторыхъ членовъ семьи. Стремясь вырваться изъ этой среды, гдѣ страдала ея пылкая, восторженная душа, она благосклонно приняла ухаживанія пріѣхавшаго изъ Петербурга гвардейскаго офицера съ громкою историческою фамиліею и огромнымъ состояніемъ. Отецъ мой, если не былъ красивъ, ибо ранняя плѣшь очень безобразила его правильное лицо, былъ большого роста, хорошо сложенъ и имѣлъ видъ настоящаго боярина. Онъ наслѣдовалъ отъ отца блестящій умъ, юморъ, краснорѣчіе и могъ нравиться, когда хотѣлъ, но именно дѣло было въ хотѣніи. Такъ какъ онъ родился послѣ смутъ и треволненій 1812-го года, то на немъ ясно отразилось тревожное состояніе духа его родителей; въ немъ не было равновѣсія, нравъ его былъ буенъ, духъ мятеженъ; при строгомъ воспитаніи и подъ наблюдательнымъ окомъ благоразумной матери изъ него могъ бы выйти замѣчательный человѣкъ, но вышелъ самодуръ. Да простятъ мнѣ это слово. Я написала его, не какъ дочь, сильно изстрадавшаяся отъ характера отца, а какъ безпристрастный критикъ, для котораго правда есть законъ. Записки моего дорогого друга, Сергѣя Михайловича Загоскина, достаточно освѣтили личность моего отца, про котораго сложилось цѣлое преданіе. Къ счастью, теперь подобныя личности невозможны, но тогда это было совсѣмъ не единичное явленіе. Однако въ то время, когда мой отецъ встрѣтился съ Евдокіей Петровной Сушковой, недостатки, унаслѣдованные имъ отъ матери, а также благопріобрѣтенные, не успѣли еще развиться. Къ тому же онъ былъ влюбленъ, желалъ нравиться и сдѣлался женихомъ. Въ виду его богатства назначенныя для Евдокіи Петровны Сушковой подмосковныя оранжереи были изъяты изъ ея приданаго и переданы нелюбившей и тиранившей ее теткѣ, Александрѣ Ивановнѣ, которая впослѣдствіи, когда мы уже разорились, роскошно жила на доходы съ этихъ самыхъ «ничтожныхъ» оранжерей.

Только наканунѣ свадьбы сдѣлалось извѣстно изъ метрики жениха, что ему не за тридцать лѣтъ, какъ то выдавала его изно-

шенная наружность, но всего только девятнадцать, и открытіе это всѣхъ смутило, а въ особенности невѣсту, которая, не взирая на дѣвическую невинность и неопытность, не могла не испугаться, что будущій ея мужъ на два года ея моложе, и что не даромъ онъ такъ старообразенъ.

Можетъ быть, свадьба разстроилась бы, если бы въ дѣло не были замѣшаны злополучныя оранжереи, которыми тетушка Александра Ивановна непремѣнно желала завладѣть, и несчастную дѣвушку уговорили не дѣлать скандала и не отказывать жениху. Евдокія Петровна была не въ силахъ устоять противъ просьбъ и упрековъ многочисленной семьи, и свадьба ея состоялась въ маѣ мѣсяцѣ 1833 года въ церкви Введенія на Лубянкѣ.

Молодые зажили въ своемъ домѣ на Лубянкѣ открыто и принимали всю Москву. Они давали роскошные вечера и балы, для которыхъ, по разсказамъ очевидцевъ, отецъ мой выписывалъ нарядныя конфеты изъ Петербурга, по 25 рублей за штуку.

Во время пребыванія своего въ Москвѣ, длившагося нѣсколько лѣтъ, мать наша близко подружилась съ братомъ своего мужа, графомъ Сергѣемъ Ѳедоровичемъ, но суровая свекровь не взлюбила талантливую, жизнерадостную молодую свою невѣстку, крѣпко державшуюся православной вѣры, чисто русскую, не только по рожденію, но и по духу, и не способную поддаться на соблазны католичества уже потому, что испытывала на себѣ и на своихъ близкихъ горькіе его плоды отъ свекрови.

IX.

Романъ графа Сергѣя Ѳедоровича. — Его смерть. — Надгробное слово, сказанное его матерью. — Какъ отнеслась графиня къ извѣстію о смерти своей сестры. — Судьба добрачнаго сына графа Сергѣя Ѳедоровича. — Резолюція государя Николая Павловича. — Пансіонъ для дѣвицъ. — Графиня Екатерина Петровна, какъ блюстительница скромности и нравственности.

Какъ сказано выше, мать наша очень подружилась съ братомъ своего мужа и всегда защищала его отъ клеветъ и нареканій. Искупая грѣхи молодости мучительными недугами, графъ Сергѣй Ѳедоровичъ долженъ былъ проводить всѣ зимы за границей и, проживая во Флоренціи, влюбился въ гофмейстерину герцогини Тосканской, графиню Ф. де-Б., которая отвѣчала ему взаимностью. Не первой молодости, но живая, умная и впечатлительная, она могла до извѣстной степени считать себя свободной, такъ какъ мужъ ея содержался въ домѣ для умалишенныхъ, и на выздоровленіе его не было никакой надежды. Она страстно увлеклась умнымъ и болѣзненнымъ русскимъ путешественникомъ; дядя же нашъ, по свойственному ему легкомыслію воображая, что завязавшійся съ нею романъ кончится, какъ всѣ свѣтскія авантюры, и что она скоро

про него забудетъ, преспокойно вернулся въ Россію. Но, къ величайшему его удивленію и досадѣ, онъ ошибся въ расчетѣ: покинутая красавица въ одинъ прекрасный день явилась къ нему въ Москву, въ сопровожденіи преданной горничной Лючіи, да еще въ интересномъ положеніи!

Во избѣжаніе скандала, графиня Ф. разыграла передъ отъѣздомъ изъ Флоренціи комедію самоубійства, написала кое-кому письма съ намеками на роковое намѣреніе лишить себя жизни и, оставивъ на берегу Арно верхнее свое платье, уѣхала въ Россію. Озадаченный дядя явился съ повинной къ матери, а эта послѣдняя, ненавидѣвшая всякіе грѣхи, а превыше всѣхъ амурные, воспылала гнѣвомъ и объявила, что никогда не пуститъ къ себѣ на глаза заблудшуюся овцу. Тогда дядя обратился къ нашей матери, которую онъ, невзирая на ея молодость, высоко цѣнилъ за умъ и сердце, и, слѣдуя ея совѣтамъ, принялъ бѣглянку, какъ свою будущую супругу, и женился на ней, когда мужъ ея скончался, что̀ случилось, однако, послѣ того, какъ у нихъ родился сынъ, окрещенный въ католической церкви подъ фамиліей Ф. Ребенка этого, «плодъ прелюбодѣянія», бабушка ненавидѣла, но съ матерью его, когда она сдѣлалась законною женою ея сына, она обращалась довольно прилично.

Скончался графъ Сергѣй Ѳедоровичъ въ 1838 году и при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Его мать жила, какъ всегда зимой, въ Москвѣ, а въ Вороновѣ укрывала аббата въ одномъ изъ флигелей Вороновскаго дома, гдѣ и мы тоже впослѣдствіи проводили лѣтніе мѣсяца съ 1848 по 1859 годъ. Домъ этотъ былъ построенъ покоемъ. Мы занимали въ немъ нижній этажъ, верхній же оставался въ томъ видѣ, въ которомъ оставило его нашествіе французовъ въ 1812 году: дверей и оконъ не существовало, по главной каменной лѣстницѣ, испорченной пожаромъ, ходить было опасно, и проникнуть въ комнаты можно было по деревяннымъ лѣстницамъ и кое-гдѣ уцѣлѣвшимъ балкамъ. Правый флигель занималъ управляющій, а лѣвый—бабушка со своими многочисленными компаньонками и приживалками. Въ послѣдней комнатѣ этого флигеля, замыкавшей длинную анфиладу покоевъ вдоль сада, жилъ аббатъ, и въ ней находились потайные шкапы въ стѣнахъ со всѣми принадлежностями для служенія католической обѣдни.

Долго пребывало все это въ тайнѣ, но наконецъ, вѣроятно, по доносу кого нибудь изъ домашнихъ, тогдашнему генералъ-губернатору, князю Голицыну, было дано предписаніе изъ Петербурга произвести обыскъ въ имѣніи графини Екатерины Петровны Ростопчиной; призвавъ къ себѣ графа Сергѣя Ѳедоровича, онъ предупредилъ его о грозившей его матери бѣдѣ, если раскроется тайна ея вѣроисповѣданія. Чтобъ опередить обыскъ, долженствовавшій послѣдовать черезъ двадцать четыре часа, графъ Сергѣй Ѳедоро-

вичъ немедленно сѣлъ въ экипажъ и поскакалъ въ Вороново, гдѣ распорядился заложить кирпичами стѣны со шкапами, спустилъ куда-то аббата и вернулся въ Москву съ сильной простудой, отъ которой, страдая уже ранѣе астмой, онъ и скончался. Его мать, конечно, на его схизматическія похороны не поѣхала, и когда, по окончаніи церемоніи, мои двоюродные дяди, князья Алексѣй и Павелъ Голицыны, пріѣхали ее навѣстить, они нашли ее, какъ всегда, прохаживающуюся преспокойно взадъ и впередъ по комнатамъ. Сожалѣнія ихъ о только что скончавшемся сынѣ она прервала такими словами: «Онъ прожилъ такъ, какъ того хотѣлъ: мало, но хорошо» [1]). И снова принялась за прерванную прогулку, стряхнувъ съ себя такимъ образомъ всякія безполезныя воспоминанія и отвѣтственность. Передавая мнѣ это, князь Алексѣй прибавилъ: «Разумѣется, съ тѣхъ поръ ни я, ни братъ мой не переступили порога этой безсердечной женщины, выражавшейся такъ бездушно про сына, горько поплатившагося своимъ здоровьемъ за юношескія увлеченія и умершаго преждевременно среди заботъ о спасеніи ея отъ непріятностей».

Много позже, когда скончалась ея младшая сестра, графиня Варвара Петровна Протасова, на сестру мою было возложено порученіе приготовить бабушку къ извѣстію объ этой потерѣ. «Никогда не забуду я торжествующей усмѣшки, съ которой бабушка встрѣтила печальное извѣстіе», писала мнѣ еще недавно сестра: «Эге, мамзель! моложе меня, а ушла раньше!» [2])—сказала она.

Мнѣ кажется, что эти двѣ фразы достаточно обрисовываютъ личность бабушки, какъ матери и какъ сестры.

Когда графъ Сергѣй Ѳедоровичъ скончался, всѣ его имѣнія оказались заложенными, но его мать и братъ ихъ выкупили и передали вдовѣ его прекрасное состояніе, совѣтуя ей немедленно написать завѣщаніе въ пользу сына Владимира, такъ какъ у нея было еще два сына отъ перваго мужа, уже взрослые и состоящіе на службѣ. Но графиня Марія Ростопчина, со свойственною итальянкамъ безпечностью и лѣнью, откладывала со дня на день исполненіе этого долга и скончалась отъ удара, не обезпечивъ судьбу своего младшаго ребенка. Умерла она года два послѣ своего мужа. Родители мои находились тогда въ своемъ воронежскомъ имѣніи, и, воспользовавшись ихъ отсутствіемъ, камеристка покойницы Лючія увѣдомила сыновей ея о внезапной смерти ихъ матери, такъ что, когда отецъ нашъ пріѣхалъ въ Москву, онъ ужъ ихъ здѣсь засталъ въ хлопотахъ о полученіи наслѣдства послѣ матери. Наслѣдство это они получили и, предоставивъ младшему брату право носить ихъ имя и титулъ, уѣхали назадъ на родину. Бабушка

---

[1]) «Il a eu la vie comme il l'a voulu courte et bonne».

[2]) «Ehé, mamselle, plus jeune que moi, et déjà partie!»

взяла бѣднаго сироту на воспитаніе и обходилась съ нимъ болѣе, чѣмъ сурово. У родителей моихъ первые четыре года послѣ свадьбы не было дѣтей, и отецъ нашъ подалъ государю прошеніе о дозволеніи усыновить добрачнаго ребенка своего умершаго брата. Государь приказалъ вернуть ему прошеніе, собственноручно на немъ написавъ: «Католикъ не можетъ быть графомъ Ростопчинымъ».

Вскорѣ послѣ того родился нашъ старшій братъ Викторъ, и рѣшено было отослать маленькаго Ф. во Францію къ графинѣ Сегюръ, назначивъ ему десять тысячъ въ годъ на воспитаніе и съ капиталомъ въ двѣсти тысячъ франковъ, собраннымъ при содѣйствіи бабушки родственниками. У меня сохранилось письмо восьмилѣтняго мальчика, написанное, разумѣется, по-французски и адресованное бабушкѣ передъ его отъѣздомъ за границу, въ которомъ онъ въ униженныхъ выраженіяхъ благодаритъ за оказанныя ему, сиротѣ, милости. Очевидно письмо это было сочинено которою нибудь изъ бабушкиныхъ компаньонокъ и переписано несчастнымъ ребенкомъ, такъ много пострадавшимъ отъ «благодѣтельницы» за то, что онъ имѣлъ несчастье родиться до брака ея сына съ его матерью.

Мальчикъ этотъ унаслѣдовалъ отцовскій умъ и ростопчинскій типъ лица, изъ него вышелъ хорошій человѣкъ, и Сегюры любили его, какъ родного. При первой возможности его перевели во французское подданство, и онъ умеръ недавно, оставивъ сына и дочь.

Выше я упомянула про бабушкиныхъ компаньонокъ. У нея ихъ было множество. Та самая Турнье, которую нашъ отецъ ребенкомъ называлъ уличною дрянью, имѣла на нее сильное вліяніе. Она выпросила позволеніе взять на воспитаніе сначала одну дѣвочку изъ французской колоніи, потомъ другую, третью, такъ что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ въ нашемъ домѣ перебывало немало маленькихъ мученицъ. Про ея строгость съ ними ходило много разсказовъ. Говорили между прочимъ, что вдохновенная традиціями испанской инквизиціи она подносила къ ихъ губамъ раскаленное распятіе и сѣкла ихъ жестоко за то, что онѣ въ ужасѣ отъ него отвертывались. Трудно этому вѣрить, но мы это слышали отъ нашей матери, которая отличалась замѣчательною правдивостью. Кромѣ фуріи Турнье, при бабушкѣ жила нѣкая Наталья Ивановна Ростопчина, наша дальняя родственница, обожавшая собакъ, некрасивая, угреватая старая дѣва. Впослѣдствіи она уѣхала въ Римъ, гдѣ и скончалась въ монастырѣ. Про нее мнѣ разсказывали въ Италіи, что благочестивое ея житіе кѣмъ-то написано, и что ее слѣдуетъ причислить къ лику святыхъ.

Плохо жилось бабушкинымъ компаньонкамъ. Старшей надъ ними состояла старая безобразная дѣва, Марта. Нѣкоторымъ изъ весталокъ, надъ которыми она владычествовала, удалось выйти замужъ, при чемъ бабуніка давала имъ приданое. Между ними

царила вѣчная зависть и вражда. Я помню, какъ однажды одна изъ этихъ дѣвицъ, найдя на полу записку съ перечнемъ грѣховъ, отнесла ее Мартѣ и на вопросъ этой послѣдней, какъ угадала она, что записка эта принадлежитъ ей,—отвѣтила съ напускною наивностью: «по грѣхамъ, на ней означеннымъ, мадмуазель». Крѣпко досталось ей за такой дерзкій отвѣтъ!

И, невзирая на все это, французская колонія считала счастьемъ и честью помѣщать своихъ дочерей къ «святой» графинѣ! Правда, что онѣ здѣсь содержались въ страхѣ Божіемъ: соблюдались всѣ посты, возили ихъ каждый день и къ обѣднѣ, въ каретѣ, слѣдовавшей за бѣлой бабушкиной колымагой, въ которой графиня ѣхала съ вѣрной своей Мартой. Тѣ, которымъ не хватало мѣста въ каретѣ, шли пѣшкомъ и тоже, разумѣется, подъ наблюденіемъ старшей.

Платья онѣ обязаны были носить темнаго цвѣта, по горло, съ длинными рукавами; когда по праздникамъ и воскресеньямъ ихъ отпускали домой, бабушка ихъ предупреждала, что та, которая осмѣлится побывать въ театрѣ или на танцовальномъ вечерѣ, будетъ немилосердно изгнана изъ ея дома. И угроза эта свято выполнялась. Живо припоминается мнѣ случай съ м-ль де-С. изъ извѣстной аристократической семьи эмигрантовъ, некрасивой, коренастой дѣвушкой, съ рыжими волосами, коротко остриженными, и съ выразительнымъ лицомъ. Несчастная позволила себѣ потанцовать на одномъ вечерѣ. М-ль Марта узнала про такой страшный грѣхъ и немедленно доложила о немъ бабушкѣ. Послѣдовало грозное рѣшеніе: прогнать немедленно провинившуюся. Дѣло было вечеромъ. Пріятно хихикая, Марта собственноручно уложила пожитки несчастной м-ль де-С. и вытолкала ее на улицу. Напрасно ходила къ бабушкѣ наша мать просить за несчастную, ей тѣмъ болѣе сурово отказали, что она и сама была такая же грѣшница, сама танцовала на балахъ и возила насъ съ собой. Для такого грѣха пощады не было, и, наказавъ порокъ, святая старица принялась за свои безконечныя молитвы. Грѣшница же, явившись къ родителямъ, была также и ими выгнана вонъ, такъ какъ никто не хотѣлъ вѣрить, чтобъ такая святая женщина, какъ графиня Ростопчина, рѣшилась изгнать изъ своего дома, да еще ночью, дѣвушку за такой маловажный проступокъ. И она пошла... туда, гдѣ въ подобныхъ случаяхъ всегда находятъ пріютъ... Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, наша Mainté получила письмо отъ м-ль С., очень встревожилась, поговорила съ мама и поѣхала въ госпиталь. Вернулась она оттуда вся въ слезахъ и заперлась съ нашею матерью. Потомъ, изъ таинственныхъ разсказовъ, шопотомъ передаваемыхъ другъ другу въ нашемъ домѣ, мы узнали, что бѣдная дѣвушка умерла, проклиная бабушку, виновницу ея гибели. Тогда я не поняла еще вполнѣ гнусную подкладку этого печальнаго происшествія.

Другая «облагодѣтельствованная», толстая, вѣчно смѣющаяся Александрина, попалась въ другой винѣ: роясь во время ея отсутствія въ ея сундукѣ, м-ль Марта откопала романъ! О ужасъ! Французскій романъ, еще худшій развратитель, чѣмъ танцы! И Александрина тоже вылетѣла съ позоромъ изъ нашего дома за осквернение святой обители. Тутъ ужъ я сама помогала ей укладываться, видѣла ея слезы, слышала, какъ мама приходила ее утѣшать, послѣ неудачной попытки смягчить бабушку. Увы, какъ ни горька была жизнь подъ нашимъ суровымъ кровомъ, все-таки это былъ кровъ.

Послѣ танцевъ и романовъ бабушка всего больше ненавидѣла новыя моды и длинныя таліи. При насъ состояла бонной вывезенная нами изъ Парижа полька, Луиза Адамовна Ставская, весьма недурненькая собою, вертлявая веселая дѣвушка, любившая наряжаться. Ужъ однимъ этимъ не нравилась она бабушкѣ. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, Луиза наша надѣла привезенное изъ Парижа платье изъ лѣтней матеріи, съ мелкими розовыми полосками и съ длинной тальей, затянутой въ рюмочку. Такого поруганія надъ правилами стыдливости и благочинія бабушка, конечно, не вынесла, позвала къ себѣ нашего отца и приказала ему немедленно отказать м-ль Луизѣ. Это было жестокимъ ударомъ для всѣхъ насъ, мы привыкли къ м-ль Луизѣ и нѣжно ее любили. Всѣ мы ходили умолять за нее бабушку, но она не захотѣла насъ слушать, и наша милая Луизочка навсегда исчезла у насъ изъ глазъ въ своемъ розовомъ платьѣ. Добродѣтель восторжествовала, но, увы, не надолго: настала очередь внучекъ.

Впрочемъ, я забѣгаю впередъ, потому что между изгнаніемъ Луизы и нашимъ первымъ выѣздомъ въ свѣтъ прошло нѣсколько лѣтъ.

Мы тогда опять жили съ бабушкой, такъ какъ отецъ боялся оставлять ее одну во время Крымской кампаніи. Мы переѣхали къ ней изъ нашей квартиры, особняка на Спиридоновкѣ, и хотя мнѣ еще не минуло семнадцати лѣтъ, насъ съ сестрой начали вывозить въ свѣтъ. Въ первый разъ повезли насъ на балъ въ палатку, гдѣ гвардейскіе офицеры устроили праздникъ для московскихъ дамъ. Насъ одѣли и привели показать бабушкѣ. Окинувъ насъ съ ногъ до головы презрительно насмѣшливымъ взглядомъ, она проговорила по-французски, разумѣется: «Вы, можетъ быть, воображаете себя красивыми? Ничуть не бывало. Во-первыхъ, вы уроды, а, во-вторыхъ, отвратительны Богу и никогда не войдете въ царствіе небесное. Вы играете въ руку дьяволу, наряжаясь, чтобъ кружиться въ объятіяхъ мужчинъ»... Тутъ ужъ вступилась наша мать, умоляя пощадить нашу невинность. Мы были такъ смущены и испуганы, что наивное удовольствіе потанцовать утратило для насъ всякую прелесть. Въ стремленіи своемъ пробудить

въ насъ женскую стыдливость, бабушка въ насъ убила счастливое дѣтское невѣдѣніе. До тѣхъ поръ мы видѣли въ молодыхъ людяхъ, съ которыми намъ приходилось встрѣчаться, только кавалеровъ для танцевъ, теперь же мы стали бояться съ ними разговаривать и чуждались всякаго съ ними сближенія.

Впослѣдствіи мы всегда были обязаны являться къ бабушкѣ передъ баломъ, и, опасаясь ея гнѣва при видѣ нашего скромнаго декольте, насъ причесывали и водили къ ней въ свѣтлыхъ платьяхъ съ закрытымъ лифомъ, съ тѣмъ, чтобъ потомъ переодѣть въ бальный нарядъ. И мы такимъ образомъ должны были сидѣть у нея за работой по нѣскольку часовъ, съ вѣнками изъ цвѣтовъ на головѣ, причесанной парикмахеромъ по-бальному. Иногда она спрашивала: «теперь такая мода ѣздить на балы въ закрытыхъ платьяхъ?»- -«Да, бабушка»,—отвѣчали мы не запинаясь. «Это очень хорошо,—замѣчала она.—Въ мое время женщины нагло выставляли голыя руки и плечи. А танцуете вы отвратительную польку, чтобъ трепетать въ объятіяхъ мужчинъ?»—«Нѣтъ, бабушка, мы танцуемъ только кадрили».—«Это хорошо, но все-таки танцы выдуманы дьяволомъ на погибель души»...

Каждый вечеръ мы должны были проводить нѣсколько часовъ въ гостиной бабушки, которая лежала на кушеткѣ и непремѣнно съ работой въ рукахъ; вязала она филе для одѣянія католическаго духовенства. Мы тоже что нибудь вышивали, отецъ нашъ нанизывалъ бусы для ожерелій деревенскихъ дѣвушекъ, и даже гости непремѣнно должны были пріѣзжать съ работой, такимъ образомъ я помню, что Анатолій Нарышкинъ всегда рисовалъ во время своихъ посѣщеній. Одна только наша мать ничего не дѣлала, и это постоянно сердило бабушку.

Графиня Л. А. Ростопчина.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРАВДА О МОЕЙ БАБУШКѢ [1].

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

X.

Графиня Екатерина Петровна Ростопчина, какъ воспитательница.

В 1844 ГОДУ мы уѣхали за границу, гдѣ провели три года. Путешествовали мы съ многочисленной свитой; родители наши въ дормезѣ, съ курьеромъ на козлахъ, позади въ кибиточкѣ, придѣланной къ запяткамъ, горничная, а мы, дѣти, въ огромной каретѣ съ Луизочкой и Mainté, съ камердинеромъ на козлахъ и другой горничной сзади. Такимъ образомъ объѣздили мы всю Италію, часть Швейцаріи и Францію, провели одну зиму въ Римѣ, двѣ въ Парижѣ и вернулись въ Россію осенью 1847 года. Путешествіе это стоило нашему отцу два милліона рублей, но зато мы выучились бойко говорить по-французски и по-итальянски, и совсѣмъ забыли русскій языкъ. Это прискорбное обстоятельство очень обрадовало бабушку: судьба привела насъ именно въ такое положеніе, въ которомъ она и сама находилась, переходя въ католичество; при незнаніи русскаго и славянскаго языковъ ходить въ церковь не было цѣли. Какая благодарная почва для насажденія католичества! Яростно принялась бабушка за этотъ священный трудъ. Я сказала выше, что мы по-

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XCV, стр. 864.

селились у нея въ домѣ. Начала она съ того, что отстранила нашу мать отъ нашего воспитанія. Покорный сынъ, вѣчно преклонявшійся передъ ея волей и одной только ея и боявшійся на свѣтѣ, склонился передъ ея желѣзной волей. Должна была покориться и мать наша. Къ намъ стали ходить аббаты, но послѣ первыхъ уроковъ мама приглашала ихъ къ себѣ и вѣжливо предупреждала, что при первой ихъ попыткѣ склонять насъ къ перемѣнѣ вѣры она пожалуется генералъ-губернатору, который немедленно вышлетъ ихъ за границу въ сопровожденіи жандарма. Оскорбленные аббаты отретировались. Ихъ замѣнили свѣтскими личностями: этимъ мать наша грозила Сибирью; сбѣжали отъ насъ и они. Пришлось обратиться къ женскому полу. Нахлынули француженки. Чѣмъ удалось нашей матери напугать разныхъ Бобелинъ, съ перваго же урока принимавшихся за пропаганду, не знаю, но и онѣ перешли Березину. Я помню, какъ послѣдняя изъ нихъ, настоящій гренадеръ, вбѣжала къ бабушкѣ, вся раскраснѣвшись отъ злости, и закричала: «Ваша невѣстка—извергъ!» Бабушка увлекла ее съ собою въ молельню, гдѣ онѣ, вѣроятно, помолились за спасеніе нашихъ грѣшныхъ душъ, спасти которыя земными средствами оказалось невозможнымъ. Мать наша неоднократно заставляла насъ клясться, что мы ни за что не измѣнимъ православной вѣрѣ. Да будетъ она благословенна за это!

Понятно, какою глубокою ненавистью возненавидѣла ярая фанатичка женщину, хотя и покорную и почтительную къ ней, но которая неуклонно исполняла свой материнскій долгъ! Чтобы забыться, мать наша начала часто выѣзжать въ свѣтъ. Однажды, во время одной изъ нерѣдко разражавшихся у насъ въ домѣ грозъ, она сказала Mainté: «Меня упрекаютъ за любовь къ выѣздамъ! Посмотрѣли бы на нашу домашнюю жизнь!» Она знала, что по приказанію бабушки за нею шпіонили, что челядь подслушиваетъ у всѣхъ дверей, что стерли краску отъ витража, заслонявшаго балконъ и галлерею для музыкантовъ въ огромной залѣ, служившей молодой графинѣ пріемной, чтобы слѣдить за каждымъ ея движеніемъ и доносить бабушкѣ каждое ея слово. Все, что дѣлала молодая графиня, докладывалось старой: кого она принимала, до котораго часу у нея сидѣли. Сама же благочестивая старица ложилась въ девять часовъ вечера. И доносить было что: мать наша, умная и разговорчивая, нерѣдко засиживалась съ гостями поздно, и въ этомъ препятствовать ей не могли, но зато, зная, чѣмъ можно ее больно уязвить, не щадили насъ.

Не считаю нужнымъ много распространяться о нашей дѣтской жизни, скажу только, что до сихъ поръ не могу хладнокровно вспомнить это время. Бабушка не только насъ не любила, она насъ ненавидѣла. Никогда не называла она насъ по имени: мы съ сестрой были для нея «мамзели», а братъ нашъ «мсье». И надо

было слышать, съ какимъ презрѣніемъ произносила она эти клички! Никогда не ласкала она насъ. Когда мы почтительно прикладывались къ ея рукѣ, она пускала поцѣлуй въ пространство надъ нашими склоненными головами. Другимъ своимъ внукамъ, де-Сегюръ, она посылала ящиками дорогіе подарки, намъ же дарила грошевыя игрушки, которыя стыдно давать самымъ маленькимъ дѣтямъ. Намъ было уже 16 и 17 лѣтъ, когда она намъ дала на новый годъ по деревянной тарелочкѣ, съ наклеенными на нихъ грубо намалеванными фруктами.

Мы росли въ страхѣ и трепетѣ, не понимая, что вокругъ насъ творилось, но смутно сознавая чуткимъ юношескимъ сердцемъ, что атмосфера холода и отсутствія любви, окружающая насъ,— явленіе ненормальное. Сравненій мы дѣлать не могли, никого изъ постороннихъ мы не знали, ни съ какими чужими дѣтьми не были знакомы, бабушка этого не допускала. Иногда насъ водили въ церковь въ нашъ приходъ, гдѣ мы ничего не понимали, конфузились и страдали.

Мы одичали и сдѣлались пугливы. Правда, въ Вороновѣ, гдѣ мы проводили лѣто, намъ предоставляли больше свободы. Я часто убѣгала въ паркъ, въ чудный старый садъ, гдѣ четыре аллеи трехсотлѣтнихъ липовыхъ деревьевъ, напоминающихъ сады эпохи Людовика XIV, повторялись на двухъ площадяхъ. Тутъ научилась я любить природу; она сдѣлалась моею единственною отрадою, пока смерть обожаемой матери не научила меня искать другого болѣе возвышеннаго утѣшенія въ молитвѣ. Но тогда храмъ Божій ничего не говорилъ моей душѣ. Намъ все твердили про папу и про соборъ св. Петра. Ненависть бабушки, основанная на почвѣ религіознаго отчужденія, леденила мнѣ душу и умъ. Я увѣрена, что, если бы мы дольше оставались подъ ея нравственнымъ гнетомъ, я окончательно отупѣла бы или сошла бы съ ума. Во всякомъ случаѣ, какъ неизгладимая печать моей страдальческой юности, осталась у меня на всю жизнь болѣзненная воспріимчивость нервной системы. Никто, мнѣ кажется, не страдалъ такъ сильно нравственно и физически, какъ я. Не будь у меня крѣпкаго тѣлосложенія и поздно развившейся силы воли, сложившейся подъ ударами судьбы, я осталась бы на всю жизнь нравственной калѣкой.

Къ счастью, когда старшей моей сестрѣ минуло одиннадцать лѣтъ, мать наша наконецъ возстала противъ деспотизма свекрови и объявила мужу, что продолжать такую жизнь невозможно, что мы давно достигли тѣхъ лѣтъ, когда дѣти знаютъ Законъ Божій и приступаютъ къ Святому Причастію сознательно, послѣ исповѣди.

Отецъ согласился съ ея доводами и рѣшился разстаться съ матерью. Онъ купилъ далеко отъ Басманной, на Садовой, почти у Вдовьяго дома, противъ церкви Ермолая, огромный домъ Небольсина

съ большимъ садомъ, перестроилъ и отдѣлалъ его по царски, отдавъ весь верхній этажъ подъ картинную галлерею и библіотеку... Тутъ для насъ наняли учителей англійскаго, нѣмецкаго и русскаго языковъ; православный священникъ вошелъ наконецъ въ нашъ заколдованный кругъ, и мы были спасены. Но бабушка поклялась при первой возможности отомстить невѣсткѣ за этотъ подвигъ и сдержала свое слово. Когда разстройство дѣлъ нашего отца стало доходить до разоренія, мать наша смирилась и, познакомивъ свекровь съ положеніемъ дѣлъ, стала умолять ее оставить имѣніе Вороново намъ, троимъ дѣтямъ ея сына, а не ему, но бабушка наотрѣзъ отказалась исполнить ея просьбу.

— Да вѣдь Андрей все истратитъ, онъ не вмѣняемъ, все пойдетъ прахомъ, и дѣти наши будутъ въ нищетѣ! —умоляла наша мать.

Бабушка выпрямилась, злая усмѣшка заиграла на ея губахъ, и она холодно возразила:

— Тѣмъ лучше, это послужитъ къ спасенію ихъ душъ.

И, осудивъ насъ такимъ образомъ на вѣчную нужду, спокойно продолжала она прохаживаться взадъ и впередъ по комнатѣ. Если не католикамп, то хоть нищими надѣялась она втолкнуть насъ въ царство небесное.

Понявъ безполезность всякихъ попытокъ умилостивить это каменное сердце, мама написала всеподданнѣйшее прошеніе государю, въ которомъ просила наложить опеку на отцовское состояніе; призвала насъ къ себѣ и, прочитавъ намъ эту бумагу, сказала:

— Я вышла замужъ безъ приданаго и не имѣю въ этомъ дѣлѣ права голоса, но, какъ мать, обязана о васъ радѣть. Мѣра, на которую я рѣшаюсь, постыдна, но другого способа сохранить вамъ кусокъ хлѣба я не вижу.

— Рвите письмо, мама!—закричали мы въ одинъ голосъ, и она его разорвала. Намъ было тогда пятнадцать, четырнадцать и тринадцать лѣтъ.

Разумно ли поступала мать, спрашивая наше мнѣніе? Что могли мы тогда понимать? Впослѣдствіи горькій опытъ заставилъ меня убѣдиться, что даже и для спокойствія нашего отца было бы лучше, если бы хотя четырнадцатая часть Вороновскаго имѣнія попала въ мои и сестрины руки, не случилось бы тогда того, что отравило послѣдніе годы его жизни. Несчастіемъ этимъ онъ тоже обязанъ своей матери. Наша же мать съ раннихъ лѣтъ приготовила насъ ко всѣмъ превратностямъ судьбы, и я за это благословляю ея память.

XI.

Графиня Екатерина Петровна, какъ помѣщица.

Приступаю теперь къ печальнѣйшимъ и возмутительнѣйшимъ воспоминаніямъ моей жизни.

Если я питаю такое благоговѣйное чувство къ памяти императора Александра II, то главнымъ образомъ за то, что онъ былъ Царемъ-Освободителемъ. Онъ вывелъ изъ темницы душу русскаго раба. Онъ спасъ его тѣло отъ унизительныхъ побоевъ. Онъ отстранилъ отъ него насиліе, несправедливость, жестокость, поруганіе, онъ вторично сдѣлалъ изъ него человѣка. Да будетъ имя Его благословенно вовѣки! Не могу безъ слезъ вспомнить радостное чувство, охватившее меня въ незабвенное утро 19-го февраля 1861 года. Какъ радостно крестилась я, повторяя: «Свобода! свобода! Они свободны! Свободны любить, вѣнчаться, двигаться, уходить, куда захотятъ, они теперь, какъ птицы небесныя. Царское слово вывело ихъ на свѣтъ Божій. То страшное, грозное, несправедливое, что тяготѣло надъ ними, болѣе не существуетъ. Русскій Божій человѣкъ, ты долженъ теперь кланяться Одному лишь Богу и царю!» Мы поѣхали въ Казанскій соборъ. Мнѣ хотѣлось обнять каждаго мужика и сказать ему: «Братъ мой, отнынѣ ты мнѣ братъ не только по человѣчеству, но и по закону!»

Графиня Екатерина Петровна получила Вороново отъ мужа. Сколько именно было въ этомъ имѣніи десятинъ земли, я не помню, но знаю, что оно состояло изъ болѣе чѣмъ двухъ тысячъ душъ, и что отъ Вороновскаго дома до дальняго села Могутова было не менѣе десяти верстъ разстоянія. Каждое лѣто мы ѣздили туда раза два пикникомъ и, выѣхавъ чуть свѣтъ, доѣзжали только къ завтраку. Дорога шла все лѣсомъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я стала себя помнить, имѣніемъ управлялъ бывшій мужикъ, Тимоеей. Это былъ высокій, атлетическаго сложенія человѣкъ, наводившій ужасъ на всю подвластную ему окрестность. Какимъ образомъ добился онъ довѣрія бабушки,— не могу понять, но довѣріемъ этимъ онъ пользовался безгранично. Со смѣтливостью, присущей русскому крестьянину, догадался онъ, вѣроятно, какъ глубоко презираетъ и ненавидитъ бабушка «грубый и пьяный» русскій народъ, поганыхъ схизматиковъ, обреченныхъ на вѣчную геенну, и онъ нагло игралъ на этихъ гнусныхъ струнахъ, натянутыхъ руками іезуитовъ. Бабушкѣ было особенно ненавистно пьянство. По ея мнѣнію, пьяницъ слѣдуетъ стереть съ лица земли, и всѣ они, безъ исключенія, достойны были кнута и Сибири. Когда она пріѣзжала въ Вороново, и къ ней приходили «молодые» на поклонъ, она выходила на крыльцо и грозно спрашивала: «А что вы пили на свадьбѣ?» Наученные

горькимъ опытомъ, новобрачные отвѣчали, низко кланяясь: «Шалфей, матушка ваше сіятельство, шалфей и ромашку». — «Хорошо, смотрите у меня, водки пить не смѣть! Это дьявольское навожденіе, отъ него непремѣнно попадете въ адъ!» И довольная своею проповѣдью, она приказывала угостить молодыхъ ромашкой. Можетъ быть, для молодицъ это бывало иногда кстати, но мужской полъ проглатывалъ барское угощеніе весьма неохотно, вѣроятно, находя про себя, что спасеніе души солоно дается.

Разъ какъ-то бабушка отправилась гулять въ село. Это было цѣлое событіе, она всегда гуляла только въ саду, вѣчно окруженная чадами и домочадцами. Направилась она черезъ мостъ и прудъ, прямо къ кабаку. Идемъ мы за нею съ нашею собственною свитою гувернантокъ и гувернеровъ и видимъ, что изъ кабака бѣжитъ молодой парень съ бутылкой въ рукѣ. Мы отчаянно ему замахали. Онъ понялъ, снялъ шапку одной рукой, а другую съ предательской посудиной заложилъ за спину. Бабушка передъ нимъ остановилась:—«Кто ты какой?»—Онъ себя назвалъ.—«А водку пьешь?»—«Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство, отродясь не пилъ». И несчастный побожился —«Что же вы пьете по праздникамъ?»—«Извѣстно что, когда ромашку, когда бузину, либо шалфей».—«Это хорошо. Знай, что если станешь пить водку, дьяволъ потащитъ тебя въ адъ». — «Какъ не знать, ваше сіятельство. Шутъ его дери, лѣшаго».

Довольная бабушка величественно удалилась, а парень, котораго она удостоила своимъ милостивымъ вниманіемъ, шелъ, пятясь назадъ, пока мы его не окружили и не дали ему возможности улепетнуть въ ближайшій домъ.

Увы, не всегда такъ отдѣлывались отъ бѣды бѣдные вороновскіе крестьяне! Во время другой нашей прогулки, въ свитѣ нашей грозной властительницы, но ужъ на этотъ разъ по парку, въ аллеѣ душистыхъ липъ къ намъ бросилась женщина, вся изодранная, въ крови, и упала къ бабушкинымъ ногамъ. За нею гнались конюхи. Несчастную сѣкли въ конюшнѣ по приказанію Тимоѳея, она вырвалась изъ тиранившихъ ее рукъ и кинулась къ барынѣ, вопя о прощеніи. Стали просить за нее и мы, мать наша, отецъ, и все напрасно. Узнавъ, что ее наказывали за пьянство, бабушка, махнувъ рукой, отвернулась, несчастную подхватили и повели досѣкать. Она оказалась беременной...

Боже мой! Это дѣлалось, я это видѣла и слышала!..

Помню, что остальная часть гулянья прошла въ глубокомъ молчаніи. Мы вернулись домой въ слезахъ и въ негодованіи. А вскорѣ пришла къ мамѣ и несчастная жертва Тимоѳея. Была ли она дѣйствительно виновна въ пьянствѣ,—неизвѣстно. Мы только видѣли, какъ мать наша съ Maintè накладывали компрессы на ея окровавленную, покрытую глубокими рубцами, спину. Впослѣд-

ствіи мы узнали, что Тимоеей развращалъ приглянувшихся ему женщинъ и тиранилъ отцовъ и мужей, возстававшихъ противъ его насилія. Все это наконецъ дошло до свѣдѣнія начальства, и графъ Закревскій, московскій генералъ-губернаторъ, принялъ мѣры для обузданія католички помѣщицы, такъ мало принимавшей въ расчетъ благополучіе своихъ схизматиковъ рабовъ. Если бъ это были поляки, тогда дѣло другое! У бабушки отняли управленіе имѣніемъ и передали его ея сыну, нашему отцу. Я помню, съ какою радостью крестьяне приняли это рѣшеніе, и какъ они ликовали при мысли объ избавленіи отъ изверга Тимоѳея.

Про этого достойнаго сподвижника графини Екатерины Петровны я должна разсказать слѣдующее. Пути Господни неисповѣдимы: награбленное имъ богатство пошло прахомъ, и подъ старость ему пришлось надѣть на плечи котомку съ краснымъ товаромъ и ходить продавать его по Россіи. Такъ дошелъ онъ до Сибири и тутъ въ лѣсу былъ ограбленъ и убитъ. Тѣло его было найдено уже разложившимся и изуродованнымъ. Я помню, какъ однажды, нѣсколько лѣтъ послѣ смерти бабушки, во время нашего посѣщенія села Могутова, везшій насъ кучеръ, красавецъ Павелъ, указывая на старое дерево, у котораго остановилась наша бричка, обернувшись къ намъ, сказалъ:

— А вотъ, ваше сіятельство, у этого самаго дерева мы съ отцомъ однажды ночью подкарауливали проклятаго Тимоѳея. У отца было заряженное ружье въ рукахъ, и онъ имъ хотѣлъ убить нашего злодѣя. Да Тимоѳей зналъ, что многимъ поперекъ горла стоитъ и никогда не ѣздилъ по одной и той же дорогѣ. Такъ мы его напрасно и прождали. Я тогда былъ маленькимъ мальчикомъ.

— За что же твой отецъ хотѣлъ его убить? — спросила наша мать.

Павелъ, искоса глянувъ на меня, процѣдилъ сквозь зубы: —

— Такъ... изъ-за сестры...

Я ничего изъ этихъ словъ не поняла, а мать моя больше не разспрашивала.

Когда отцу нашему было поручено управленіе бабушкиными имѣніями, онъ ѣздилъ съ нами по всѣмъ селамъ, и всюду насъ принимали съ хлѣбомъ-солью и со слезами радости. Онъ оправдалъ ихъ довѣріе, обращался съ ними милостиво, дарилъ имъ лѣсъ на постройки и дрова на топливо, павшихъ лошадей и коровъ замѣнялъ своими, выстроилъ имъ больницу, однимъ словомъ заслужилъ ихъ любовь и оставилъ о себѣ добрую память. Когда онъ продалъ имѣніе Голенищеву-Кутузову-Толстому, новый владѣлецъ занялся перестройкой и отдѣлкой дома и не успѣлъ окончить это дѣло, какъ домъ сгорѣлъ до тла. Стали строить новый—опять пожаръ. Пронесся слухъ, что крестьяне изъ любви къ прежнимъ

господамъ поджигаютъ у новыхъ. Толстой продалъ имѣніе графу Шереметеву, который въ свою очередь перепродалъ его графу С... Д... Въ настоящее время оно принадлежитъ его старшей дочери, г-жѣ Сабуровой.

XII.

Домъ на Басманной. — Уединенный образъ жизни. — Дворня. — Выѣздной лакей Ефимъ.—Наше вторичное вторженіе въ заколдованное царство католички.—Попуган.

Лишившись управленія Вороновымъ, бабушка объявила, что нога ея тамъ больше не будетъ, и съ тѣхъ поръ никуда не выѣзжала изъ своего дома на Басманной. Домъ этотъ, двухъэтажный и очень красивый, съ балконами, террасами, огромнымъ дворомъ и не менѣе обширнымъ садомъ, существуетъ до сихъ поръ въ томъ же видѣ, въ какомъ мы его знали 50 лѣтъ тому назадъ: посреди сада — большая аллея, другая направо, съ круглой площадкой, на которой весной мама принимала гостей. При послѣднемъ моемъ посѣщеніи Москвы я попросила позволенія у теперешнихъ владѣльцевъ осмотрѣть садъ и съ болѣзненно сжатымъ сердцемъ прошлась по этимъ аллеямъ, полнымъ для меня такихъ дорогихъ воспоминаній. Вошла я и въ домъ, хотѣла подняться по лѣстницѣ, но тутъ впечатлѣнія юности нахлынули на меня въ такомъ множествѣ и такъ больно сжали мнѣ сердце, что я не въ силахъ была продолжать мой обзоръ и, къ удивленію сопровождавшаго меня дворника, убѣжала, чтобъ при немъ не разрыдаться.

Противъ сада стоялъ длинный и низкій флигель, гдѣ жилъ управляющій, а въ подвальномъ помѣщеніи ютилась большая дворня. Прямо отъ лѣстницы, направо, была столовая съ двумя окнами на улицу и двумя на дворъ; отъ нея шла длинная анфилада комнатъ, двери которыхъ были всегда отперты настежь, и по которымъ бабушка прохаживалась взадъ и впередъ, по цѣлымъ часамъ, не останавливаясь. За столовой была большая зала, со стѣнами подъ мраморъ, безъ всякихъ украшеній, холодная и неуютная, почти пустая, безъ картинъ на стѣнахъ, безъ лампъ на столахъ, безъ ковровъ, безъ занавѣсей, съ двумя длиннѣйшими диванами, обитыми шерстяною матеріею кофейнаго цвѣта; передъ ними—два стола съ инкрустаціями, деревянные стулья и два мягкихъ кресла рядомъ съ тѣмъ диваномъ, на которомъ лежала бабушка. Четыре кенкета по угламъ и одна лампа освѣщали эту мрачную, вѣющую скукой и холодомъ гостиную, гдѣ протекло столько часовъ моей юности. За этой комнатой, называемой кофейной, по цвѣту мебели, была другая древеснаго цвѣта, съ двумя окнами, съ невысокими шкафами изъ очень красиваго дерева вдоль стѣнъ и съ кроватью бабушки посреди. Кровать была простая,

узкая, какъ подобаетъ смиренной христіанкѣ, съ покрываломъ и занавѣсками изъ шерстяной матеріи темноабрикосоваго цвѣта съ бѣлыми разводами. Распятіе на стѣнѣ служило единственнымъ украшеніемъ этой строго нравственной комнаты. У постели не было ни коврика, ни ночного столика. Четвертою комнатою, замыкавшею анфиладу, былъ кабинетъ съ двумя окнами на улицу и двумя въ садъ. Тутъ обои были нѣсколько посвѣтлѣе и стояло побольше мебели: неизбѣжный диванъ, за нимъ шкафъ у стѣны, со множествомъ ящичковъ, наполненныхъ карандашами, перьями, сургучемъ, бумагой и прочими письменными принадлежностями въ такомъ великомъ множествѣ, что я часто себя спрашивала, когда была ребенкомъ: «не остатки ли это отъ нашествія французовъ въ 1812-мъ году?» Воодушевленная духомъ этой достопамятной эпохи, я разыгрывала роль французовъ и тоже грабила, унося изъ шкафа то карандашикъ, то перочинный ножикъ. Въ послѣдніе годы бабушка совсѣмъ перестала писать и въ шкапъ этотъ не заглядывала. За кабинетомъ слѣдовала узкая туалетная, совсѣмъ просто убранная, за нею двѣ комнаты нашей матери, а дальше комната, которую занялъ отецъ, вернувшись послѣ Крымской кампаніи, во время которой онъ простоялъ съ своей дружиной въ Одессѣ. Почти весь фасадъ на дворъ, между спальней отца и буфетной, занималъ большой залъ подъ бѣлый мраморъ въ два свѣта, съ хорами для оркестра, ибо до бабушки въ домѣ этомъ веселились и танцовали, но наступило время покаянія, и грѣховное зданіе превратилось въ молельню, а хоры въ наблюдательный постъ для строгой, инквизиторской дворни. На антресоляхъ помѣщались дѣвичьи и компаньонки, послѣднія въ канурочкахъ, отдѣленныхъ одна отъ другой деревянными выкрашенными перегородками. Надъ антресолями, окнами во дворъ, на солнечной сторонѣ, у нашей матери были небольшая спальня, туалетная и комната для горничной, а на улицу выходили наши апартаменты, очень просто, даже бѣдно убранные обитой полосатымъ тикомъ мебелью, полы крашеные. Все это производило тяжелое впечатлѣніе послѣ нашего роскошнаго помѣщенія въ домѣ на Садовой, гдѣ все было устроено съ такимъ изяществомъ и вкусомъ, разукрашено оригиналами картинъ извѣстныхъ художниковъ, драгоцѣнною художественною мебелью и множествомъ вещей и произведеній искусства, вывезенныхъ изъ-за границы такими знатоками, какими были наши родители. Какъ тамъ весело было убѣгать въ библіотеку и въ картинную галлерею, когда отца не было дома, любоваться изваяніями и картинами, заглядывать въ книги въ великолѣпныхъ переплетахъ, останавливаться подолгу передъ портретами историческихъ личностей въ огромныхъ золоченыхъ рамахъ, отражавшихся въ большихъ зеркалахъ, а въ особенности передъ задернутой зеленой занавѣской картиной, изображающей дочь венеціанскаго палача, лежащую на постели (она была натурщицей).

Съ трепетомъ отдергивала я эту занавѣсь, чтобъ преклониться передъ красотой. И послѣ этого роскошнаго дворца, гдѣ все ласкало глазъ, воображеніе и тонкій вкусъ, съ многочисленной дворней, одѣтой въ богатыя ливреи, очутиться въ убогихъ комнатахъ, обставленныхъ хуже тѣхъ, въ которыхъ жили наши горничныя,— какой тяжелый переходъ! И все это могло бы скраситься молодостью съ ея безпечнымъ упованіемъ на будущее, но у насъ не было ни молодости, ни упованій, была тяжелая, грустная и скучная жизнь, съ мимолетными вспышками веселаго забвенія, за которыя приходилось платиться горькими слезами!

Въ этомъ мрачномъ домѣ мы прожили до 1859 года. Надо отдать справедливость бабушкѣ, она была послѣдовательна въ своихъ воззрѣніяхъ: находя роскошь губительной для души, она изгнала ее изъ своего жилища; преслѣдуя насъ за выѣзды въ свѣтъ, она отстранила отъ себя все суетное и веселое. Жила она настоящей затворницей, порвавъ всѣ сношенія съ прежними знакомыми, безъ друзей и пріятелей. Одинъ только разъ въ недѣлю обѣдалъ у нея католическій священникъ, а иногда докторъ Гаазъ или какая нибудь вышедшая замужъ воспитанница.

Про высокую личность д-ра Гааза считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ. Если ненавистный мнѣ Іосафатъ Кунцевичъ попалъ въ святые, то Гаазъ не могъ быть ему товарищемъ, дѣятельность ихъ была вполнѣ противоположна. Гаазъ проводилъ всю свою жизнь съ несчастными, приговоренными къ ссылкѣ въ Сибирь, которыхъ онъ поддерживалъ всѣмъ, чѣмъ только могъ, и окружалъ истинно христіанскимъ попеченіемъ и любовью. Онъ не говорилъ о нихъ иначе, какъ со слезами на глазахъ, въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ, и тогда его широкое, обезображенное оспою лицо принимало такое ангельское выраженіе, что безъ умиленія на него невозможно было смотрѣть. Въ пылу разговора, его коротко остриженный рыжій парикъ съѣзжалъ на сторону, голая розоватая голова обнажалась, но никому и въ голову не приходило улыбнуться, такъ велико было благоговѣніе, которое онъ намъ внушалъ. Его тучное и неуклюжее туловище было облечено въ старинный костюмъ: во фракъ съ длинными фалдами, атласный черный кюлотъ, черные чулки и башмаки съ пряжками. Много анекдотовъ ходило про его чисто дѣтскую душевную простоту и пламенную любовь къ несчастнымъ. Одинъ изъ этихъ разсказовъ особенно запечатлѣлся въ моей памяти: часто такъ случалось, что у него не было въ карманѣ болѣе двугривеннаго, и онъ торговался съ извозчикомъ, нанимая его, чтобъ ѣхать на какой нибудь званый обѣдъ, но если въ эту минуту подходилъ къ нему нищій, онъ отдавалъ ему этотъ двугривенный и поспѣшно шелъ пѣшкомъ, куда ему было надо, сопровождаемый руганью обманутаго въ своихъ ожиданіяхъ возницы.

Никогда не уходилъ онъ отъ бабушки съ пустыми руками, и часто также отецъ нашъ давалъ ему денегъ для его «дѣтей», какъ онъ называлъ осужденныхъ на каторгу. Его знала вся Москва, и многіе вручали ему пособіе на его святое дѣло.

Кромѣ доктора Гааза да католическаго священника изъ церкви св. Людовика, бабушку разъ въ годъ навѣщала дальняя родственница, Настасья Яковлевна Теплова, урожденная Протасова, да проѣздомъ въ деревню наши двоюродные братья, Дмитрій и Анатолій Нарышкины, вотъ и всѣ связи, которыя она сохранила съ міромъ. Когда дворъ пріѣзжалъ въ Москву, она, какъ дама Екатерининскаго ордена, всегда получала приглашеніе къ обѣду во дворецъ и отъ приглашенія этого всегда отказывалась. Жизнь ея протекала скучно и однообразно: обѣдня, молитва, чтеніе духовныхъ книгъ, хожденіе по комнатамъ и выписки изъ благочестивыхъ сочиненій, а также записываніе собственныхъ мыслей и даже разговоровъ. Такимъ образомъ пересылала она внукамъ своимъ, Сегюрамъ, все, что разсказывала намъ изъ священнаго писанія, въ маленькихъ переплетенныхъ книжкахъ, исписанныхъ замѣчательно четкимъ и красивымъ почеркомъ. Но за годъ до смерти она бросила это занятіе. Послѣ обѣда она всегда вязала филейные, въ родѣ кружевныхъ, стихари для аббатовъ, по воскресеньямъ же и по праздникамъ щипала корпію для католической больницы.

Столъ у бабушки былъ самый простой и умѣренный, завтракала она въ 11 часовъ, обѣдала въ четыре, въ восемь подавали уже налитый въ чашки чай съ сухарями. Съ годами вкусъ у нея притупился, аппетитъ сталъ пропадать, и поваръ этимъ пользовался, чтобъ красть и поставлять дурную провизію. Когда мы жили на Садовой, насъ каждое воскресенье возили обѣдать къ бабушкѣ, и насъ тошнило отъ этихъ обѣдовъ. Чтобъ утолить голодъ, насъ, при возвращеніи домой, завозили въ кондитерскую Дубле, гдѣ мы покупали пирожки, которые ѣли дома съ чаемъ и съ холодными кушаньями, оставленными для насъ отъ стола нашихъ родителей. Напрасно отецъ нашъ изобличалъ повара бабушки и журилъ его, у нея въ домѣ всѣ были въ стачкѣ, чтобъ пользоваться ея возрастающею старческою немощью и обкрадывать ее елико возможно. Когда мы опять переѣхали къ ней жить, нашъ поваръ, одинъ изъ лучшихъ въ городѣ, готовилъ у нея на кухнѣ, и бабушка говорила сыну:

— Андрей, мой поваръ сталъ дѣлать большіе успѣхи, съ тѣхъ поръ какъ вы у меня живете.

Что за дворня была у нея! Какіе типы! Какіе разбойники! Страшно и стыдно было смотрѣть на ея выѣзднаго лакея, рыжаго Ефима, вѣчно пьянаго и неумытаго. Но она ихъ держала за душевную красоту, гарантированную аббатами, и такъ свято вѣрила

этой красотѣ, что ничѣмъ невозможно было ее разубѣдить. Природное упорство застилало ей глаза. Однажды нашъ выѣздной заболѣлъ, и нашей матери случилось воспользоваться услугами Ефима; вернувшись домой, она объявила, что надъ ея новымъ лакеемъ такъ вездѣ смѣялись, что она никогда больше никуда съ нимъ не поѣдетъ. Впослѣдствіи этотъ самый Ефимъ, пользуясь слабѣющей памятью своей барыни, сталъ по два раза въ мѣсяцъ приходить за жалованьемъ.

— Да я, кажется, ужъ тебѣ отдала,—замѣчала бабушка.

— Никакъ нѣтъ-съ, вы изволите ошибаться, — нагло возражалъ онъ.

Его примѣру стали слѣдовать и другіе. Я была однажды свидѣтельницей такой сцены и передала объ этомъ отцу. Въ то время, завѣдуя Вороновымъ, онъ ежемѣсячно долженъ былъ выдавать матери деньги на расходы по дому, но денегъ этихъ не хватало, и тогда отецъ взялъ всѣ эти расходы на себя, платилъ за столъ людямъ, а матери своей выдавалъ каждый мѣсяцъ на личныя ея нужды тысячу рублей. Но деньги исчезали у нея съ непостижимой быстротой даже и тогда, когда аббаты перестали къ ней ходить. Тогда отецъ придумалъ такую штуку: вмѣсто тысячи рублей, онъ началъ выдавать матери каждое первое число только полтораста, но серебряными рублями, и бабушка осталась этимъ очень довольна. Намѣненная на рубли сумма казалась ей огромной. Но тутъ геніальный Ефимъ выказалъ еще большую изобрѣтательность: онъ кралъ у нея молитвенникъ и продавалъ ей его за рубль, а она хвалила его намъ:

— Какой догадливый Ефимъ, увидалъ на улицѣ, что продаютъ французскій молитвенникъ, и принесъ мнѣ показать! Хорошее изданіе, переплетъ почти новый и не дорого, я купила.

— Бабушка, да это вашъ молитвенникъ!—восклицали мы.

Но ее это сердило, и она намъ не вѣрила. Напрасно отецъ дѣлалъ Ефиму выговоры за мошенничество, негодяй зналъ, что бабушка любитъ его за душевную красоту, и надъ укоризнами нагло смѣялся. Продолжалъ онъ такимъ образомъ мошенничать до самой смерти своей госпожи.

Вотъ въ какой обстановкѣ прожила бабушка почти полстолѣтія, безъ друзей и безъ общества. Политикой она не занималась, Россіей не интересовалась, а человѣчествомъ и подавно. Рамки своей собственной жизни она постоянно суживала и прозябала, занятая исключительно одной заботой, какъ бы невзначай не попасть въ адъ.

Наше вторичное вторженіе въ ея сухую и скучную жизнь внесло въ нее своеобразное оживленіе и интересъ. Нелюбимые ею, мы все-таки были занятнѣе окружавшихъ ее и обезличенныхъ ею автоматовъ. Любить она могла только Сегюровъ, но ненавидѣть могла многихъ, а тутъ подъ рукой очутилась непокорная невѣстка, трое

внуковъ, воспитанныхъ въ венавистномъ православномъ духѣ, и бабушка оживилась. Я сказала выше, что отецъ нашъ, столь строптивый и со всѣми необузданный, былъ самымъ покорнымъ и почтительнымъ сыномъ, и этимъ онъ въ зрѣломъ возрастѣ искупилъ грѣхи своей молодости. Ежедневно проводилъ онъ у матери довольно продолжительное время, гулялъ съ нею и бесѣдовалъ о домашнихъ. Что говорила она ему про жену и дѣтей,— не знаю, но помню, что послѣ этихъ разговоровъ онъ являлся къ намъ всегда озлобленный.

Оканчивая эту главу, я замѣчаю, что забыла упомянуть о самыхъ близкихъ для бабушки существахъ, объ ея попугаяхъ. Это— непростительная ошибка: послѣ Сегюровъ первое мѣсто въ ея сердцѣ занимали попугаи. И какъ это понятно! Попугай, птица безъ сердца, безъ способности привязываться за ласки и заботы, существо сухое, холодное, естественно занялъ мѣсто кошки или собаки въ этомъ сухомъ сердцѣ, не признающемъ плодотворнаго дѣйствія ласкъ. У нея ихъ было нѣсколько паръ. Я помню Заиру, Азико, отвратительнаго Пузана, который рвалъ наши платья, впивался въ икры мужчинъ и однажды посягнулъ даже на самого Ефима, вырвавъ у него цѣлый кусокъ мяса изъ тѣла. Пришлось посадить его на цѣпь. Притаится, бывало, гдѣ нибудь, забывшись пройдешь мимо него, тотчасъ же налетитъ и вцѣпится, а жаловаться нельзя: бабушка увѣряла, что на ея милаго шалуна постоянно клевещутъ.

Но главнымъ ея любимцемъ былъ огромный, съ аршинъ ростомъ и съ ярко краснымъ хохломъ, Патапъ. Этотъ былъ не золъ, но замѣчательно глупъ. Онъ могъ качаться по нѣскольку часовъ сряду, приговаривая: «Пата-пата-патаповичъ-патаповъ», и это монотонное гортанное причитываніе услаждало слухъ его владѣтельницы слаще всякихъ человѣческихъ рѣчей. Весною всѣхъ птицъ выносили на стеклянную галлерею, и тутъ, опьяненный солнцемъ и воздухомъ, неугомонный Патапъ такъ громко выкрикивалъ свое патапство, что выведенные изъ терпѣнія сосѣди подали жалобу начальству на причиняемое имъ безпокойство. Распоряженіемъ полиціи пристыженный попугай былъ водворенъ обратно въ домъ, съ воспрещеніемъ выносить его на воздухъ. Судьба какъ бы мстила бабушкѣ за жестокость ея относительно друзей ея покойнаго мужа и вмѣсто изгнаннаго Брокера осуждала ее на постоянное жительство подъ одной кровлей съ шумнымъ Патаиомъ. Какъ бы тамъ ни было, но она этимъ ужасно огорчилась и оскорбилась. Любимцы ея безнаказанно все грызли и пачкали въ комнатахъ, портили книги, мебель, даже аналой съ молитвенникомъ и лежавшую передъ нимъ, для колѣнопреклоненія подушку святотатственно осквернили. Въ бытность нашу въ Римѣ, мать наша представлялась папѣ Пію IX, только что вступившему тогда на престолъ, и онъ пожаловалъ ей

для передачи бабушкѣ, четки изъ рѣзного кипарисnаго дерева, благословленныя имъ in articulum mortis, то-есть обладающія драгоцѣннымъ даромъ отпущенія грѣховъ при смертномъ часѣ того человѣка, на котораго онѣ будутъ надѣты. О, какъ счастлива была бы бабушка, если бъ получила эти четки не черезъ ненавистную свою невѣстку! Но въ данномъ случаѣ ненависть къ мадамъ Едокси (какъ называла бабушка нашу мать) взяла верхъ даже надъ уваженіемъ ея къ главѣ католичества, и однажды, войдя къ ней въ комнату, я увидала слѣдующую сцену: отвратительный Пузанъ, опираясь одной лапой на аналой, держалъ въ другой святыя четки и кощунственно ихъ обгрызывалъ, бабушка же, лежа на диванѣ, умильно глядѣла на своего любимца...

Былъ у нея еще столѣтній скворецъ, зеленый съ краснымъ хохолкомъ. Когда онъ совсѣмъ состарился, и перья у него облѣзли, бабушка его возненавидѣла и, чтобъ скорѣе его уморить, приказала выставить его клѣтку въ коридоръ на сквозной вѣтеръ. Сжалившись надъ бѣдной старой птицей, ёжившейся отъ холода, мать наша пріютила ее у себя. Со временемъ та же участь постигла и Патапа: провинился ли онъ передъ нею какъ нибудь особенно, или просто надоѣлъ, такъ или иначе, но бабушка и его возненавидѣла. Патапъ былъ изгнанъ и нашелъ пріютъ у насъ. И вдругъ, о чудо! Патапъ, до сихъ поръ считавшійся самцомъ, снесъ яйцо! Тутъ ужъ мать моя не вытерпѣла и сострила насчетъ своей свекрови: «Моя свекровь такъ зла,—сказала она,—что она дѣлаетъ безплодными животныхъ». («Ma belle mère est si méchante qu'elle sterilise les animaux»).

Кромѣ попугаевъ, у бабушки стояла огромная клѣтка со множествомъ прехорошенькихъ птичекъ, но подъ конецъ бабушка возненавидѣла и ихъ; она впустила въ клѣтку молодого ястреба, который всѣмъ имъ перегрызъ головки, чтобъ высосать изъ нихъ мозгъ. Бабушка очень къ нему пристрастилась, и когда всѣ рѣдкія птички, изъ которыхъ многія были вывезены издалека, были истреблены имъ, она приказывала ловить воробьевъ и отдавала ему ихъ на съѣденіе. Наконецъ крылатаго злодѣя кто-то догадался убить.

Попугаи бабушкины были всѣ бѣлые. Однажды, вернувшись изъ Воронова, мы были изумлены, увидавъ цѣлую коллекцію птицъ всевозможныхъ цвѣтовъ: желтыя, свѣтло сѣрыя, ярко красныя. Это бабушка ихъ всѣхъ выкрасила, и производить эту операцію ей такъ понравилось, что она и въ Вороновѣ перекрашивала въ разные цвѣта простыхъ птицъ, чѣмъ приводила въ неописанное изумленіе являвшихся къ ней на поклонъ мужиковъ, которымъ она выносила на показъ преображенныхъ такимъ образомъ птицъ.

XIII.

Болѣзнь нашей матери.—Докторъ Летуновъ.—Праздникъ у Закревскихъ.—Докторъ Николаевъ.—Иноземцевъ и Оверъ.—Отношеніе графини Ростопчиной къ страданіямъ невѣстки.—Посѣщеніе митрополита Филарета.—Послѣдніе дни нашей матери.—Ея кончина.—Похороны.

Въ 1857 году наша бѣдная мать почувствовала первыя проявленія страшнаго недуга, сведшаго ее въ могилу. Надо къ этому прибавить, что до этого она уже года два какъ оставалась безъ медицинской помощи, вслѣдствіе того, что ни у одного доктора не хотѣла лѣчиться, кромѣ Николая Ивановича Летунова, который самъ былъ боленъ. Весь 1857 годъ мать наша страдала, хотя и продолжала выѣзжать и принимать у себя. Мы уговорили ее снять съ себя портретъ дагеротипомъ, и во время сеанса съ нею сдѣлался припадокъ такой мучительной боли, что портретъ вышелъ съ болѣзненной гримасой. И вотъ, подъ злобное шипѣніе клеветниковъ и завистниковъ ея выдающагося таланта, началась медленная и мучительная агонія этого богато одареннаго существа, вся жизнь котораго была посвящена добру, любви къ ближнимъ и поклоненію красотѣ и правдѣ во всѣхъ ея видахъ.

Лѣто мы жили по обыкновенію въ Вороновѣ. Имѣніе это находится неподалеку отъ знаменитаго села Иванова, воспѣтаго Маркевичемъ въ его романѣ «Четверть вѣка назадъ». Въ день св. Аграфены мы туда поѣхали съ мамой на именины владѣлицы, супруги генералъ-губернатора Закревскаго. Я живо помню, какъ въ этотъ день графиня Закревская въ бѣломъ прозрачномъ пеньюарѣ, надѣтомъ прямо на сорочку, стоя у окна и глядя на подъѣзжавшій съ новыми гостями экипажъ, сказала: «Еще новый ротъ, который надо накормить». («Encore une bouche à nourrir»).

Между гостями былъ извѣстный докторъ Николаевъ. Онъ сидѣлъ за столомъ противъ нашей матери и послѣ обѣда сказалъ тетушкѣ Александрѣ Ивановнѣ Пашковой: «Предупредите графа Андрея, что супруга его опасно больна; у нея всѣ признаки рака». Испуганная тетушка поспѣшила исполнить данное ей порученіе, и отецъ нашъ тѣмъ болѣе испугался, что фельдшеръ нашей больницы уже предупреждалъ его, что у графини какая-то сложная и опасная болѣзнь. Мы немедленно переѣхали въ Москву, гдѣ въ то время двѣ медицинскія знаменитости, Иноземцевъ и Оверъ, соперничали между собою въ талантѣ и симпатіи публики. Сначала нашу мать лѣчилъ Оверъ, красивый старикъ съ мягкими манерами и ласковымъ обращеніемъ. Кажется, онъ предупредилъ отца, что положеніе его жены безнадежно, отъ насъ же это скрывали, и мы даже не знали, какою болѣзнью страдаетъ мать. Оверъ съ докторомъ Николаевымъ, служившимъ ему ассистентомъ, давали больной успокоительныя средства, надѣясь довести ее до конца безъ

особыхъ страданій. Но тутъ вмѣшались родственники и друзья. Посыпались совѣты, рекомендаціи «чудныхъ» докторовъ, присылки чудодѣйственныхъ рецептовъ со всѣхъ концовъ Россіи, отъ частныхъ лицъ, изъ монастырей. Кто-то указалъ на Иноземцева, какъ на единственнаго человѣка, могущаго спасти дорогую больную, и на несчастье созвали консиліумъ, на которомъ послѣ продолжительнаго и мучительнаго изслѣдованія состоялось совѣщаніе въ гостиной, и вынесенъ былъ приговоръ съѣхавшейся со всѣхъ концовъ города роднѣ. Мама была еще на ногахъ. Это было 25-е октября, день моего рожденія, мнѣ минуло двадцать лѣтъ, и мама легла въ первый разъ днемъ въ постель, чтобъ ужъ болѣе не вставать. Вечеромъ этого дня пріѣзжая оперная труппа давала «Сонамбулу». Мама послала за ложей и подарила ее мнѣ со словами: «Бланшета, извини и не огорчайся, если я лягу, мнѣ не хорошо, но къ вечеру я встану и поѣду съ вами въ театръ». Увы, вечеромъ мы поѣхали въ театръ съ Maintè, а на другой день дѣдушка Николай Васильевичъ, со свойственной ему грубостью, сдѣлалъ намъ строгій выговоръ за то, что мы позволяемъ себѣ ѣздить по театрамъ, когда мать наша умираетъ отъ рака.

Такимъ образомъ узнали мы о предстоящемъ намъ несчастіи.

Я помню, какъ доктора, шумно споря между собою, пошли къ отцу, гдѣ Иноземцевъ объявилъ, что есть еще надежда, тогда какъ всѣ прочіе утверждали противное. Какъ же было не поручить больную его попеченіямъ? Такъ и сдѣлали. Говорятъ, что, обращаясь къ сопернику своему Оверу, онъ сказалъ: «Къ Рождеству графиня Евдокія Петровна выѣдетъ кататься». — «Да, — возразилъ Оверъ, схватывая шляпу, — къ Рождеству графиня выѣдетъ... ногами впередъ».

Началось новое лѣченіе, Эмскими водами, причинявшее больной такія острыя боли, что крики ея раздавались по всему дому. Въ то время для утоленія болей существовалъ только опіумъ, о благодѣтельныхъ впрыскиваніяхъ морфіемъ не имѣли понятія, и бѣдная наша мать терзалась невыразимо.

Въ то время въ Петербургѣ находился знаменитый спиритъ Юмъ. Обратились къ нему, но онъ отвѣтилъ, что болѣзнь зашла слишкомъ далеко, и что онъ помочь не можетъ.

И по мѣрѣ того, какъ тѣло ея истощалось страданіями и голодомъ (она уже ничего не могла ѣсть), душа ея очищалась отъ всего земного и грѣховнаго, и понявъ, что смерть близка, она стала къ ней готовиться съ истиннымъ христіанскимъ смиреніемъ и покорностью. Всегда почитая митрополита Филарета, она просила его друга, Н. В. Сушкова, передать ему ея просьбу помолиться за нее, и онъ прислалъ ей свое благословеніе. Насъ она посылала къ Иверской Богородицѣ ставить за нее свѣчи и молиться, наконецъ пожелала приложиться къ иконѣ, которую ей и привезли, при великомъ стеченіи народа.

Увидавъ эту толпу на дворѣ нашего дома, бабушка (отъ которой скрывали опасное положеніе невѣстки, и которая не хотѣла вѣрить ея страданіямъ и продолжала надъ нею издѣваться) спросила: что это значитъ? Ей отвѣчали, что молодой графинѣ стало хуже, и что она пожелала помолиться передъ чудотворной иконой. Бабушка съ гнѣвомъ и презрѣніемъ сказала: «Развѣ она полагаетъ, что этотъ кусокъ дерева ее исцѣлитъ?»

Въ Москвѣ жила одна набожная особа, кажется, Новосильцева, тоже больная и пользовавшаяся милостивымъ вниманіемъ митрополита Филарета. Ей приснилось, что онъ къ ней вошелъ, благословилъ ее и сказалъ: «я теперь пойду къ такой же страдалицѣ, какъ и ты, къ графинѣ Ростопчиной». И точно, въ тотъ же день и въ ту же минуту, дежурившая у постели мамы, Mainté, вдругъ увидѣла, что маменька приподнимается съ просвѣтленнымъ лицомъ, что-то проговорила, низко наклоняя голову, а затѣмъ громко вскричала: «Да провожайте же! Провожайте!»—«Кого?»—спросила Mainté.—«Митрополита Филарета,онъ сейчасъ у меня былъ и благословилъ меня». Впослѣдствіи Н. В. Сушковъ спросилъ у митрополита, помнитъ ли, что онъ дѣлалъ въ такой-то день и часъ. «Помню, я былъ въ молельнѣ и молился за вашу племянницу и за Новосильцеву».

За три дня передъ смертью началась агонія, въ продолженіе которой насъ уже не впускали въ ея комнату. Передъ тѣмъ, она еще разъ причащалась и со всѣми нами и домашними прощалась. Начался бредъ. Но утромъ третьяго декабря больная такъ явственно сказала: «Прикажите заложить карету и ѣхать на вокзалъ за моимъ братомъ Дмитріемъ Петровичемъ», что, невзирая на то, что Дмитрій Петровичъ былъ въ Парижѣ, приказаніе умирающей исполнили, и карета поѣхала на вокзалъ. Каково же было всеобщее изумленіе, когда она вернулась назадъ съ пріѣхавшимъ изъза границы Дмитріемъ Петровичемъ!

Онъ уѣхалъ въ Москву, никого не предупредивши. Свидѣтелями такой чудесной прозорливости умирающей было нѣсколько человѣкъ, и фактъ этотъ свидѣтельствуетъ о просвѣтленіи души, очищенной страданіями отъ грѣховъ.

Вечеромъ того же дня она скончалась, сорока семи лѣтъ, во всемъ блескѣ возмужавшаго ума и таланта, оплакиваемая всѣми, кто ее зналъ.

Для успокоенія бабушки, отъ которой продолжали скрывать ея смерть, какъ скрывали ея болѣзнь, тѣло ея не было перенесено внизъ, и желавшіе ему поклониться, а такихъ было очень много, должны были пробираться на верхъ по узкой и крутой лѣстницѣ, черезъ узкій коридоръ.

Отпѣваніе происходило въ нашей приходской церкви, имѣющей видъ корабля, въ нижнемъ придѣлѣ. Какъ сквозь сонъ, помню я

толпу, шествующую за гробомъ, который несли ближніе родные, друзья и студенты университета, просившіе объ этомъ, какъ о милости. Какая-то духовная особа сказала рѣчь. Говорили ли другіе—не помню, о томъ, что происходило въ моей душѣ, не хочу и не могу распространяться. Шествіе потянулось къ кладбищу. Была зима, снѣгъ сверкалъ подъ лучами солнца, окутывая кладбище серебристой пеленой. Все было дѣвственно чисто, и земля, и небо, и воздухъ. Она любила воспѣвать красоту, и красота окружала ея послѣднее пребываніе на землѣ.

XIV.

Какъ отнеслась бабушка къ смерти невѣстки. — Урокъ ей внучки. — Послѣдніе дни супруги Ѳ. В. Ростопчина. — Кончина. — Нѣсколько словъ о «Правдѣ о московскомъ пожарѣ». — Гатчинская, Вороновская и Парижская Екатерина Петровна.

Мы вернулись въ осиротѣлый домъ, гдѣ не было уже больше для насъ ни любви, ни ласкъ, ни всего того, что такъ крѣпко связываетъ сердце матери съ сердцами дѣтей.

Намъ даже нельзя было предаваться нашей печали: надо было играть комедію передъ бабушкой. Она не знала о нашей потерѣ и холодно спрашивала у насъ про здоровье нашей матери. О причинахъ продолжительнаго нездоровья невѣстки въ померкшемъ ея умѣ сложилось нѣчто отвратительное. Не могла она думать хорошо ни о комъ, кромѣ аббатовъ и Сегюровъ. Бабушка довѣрила часть своихъ догадокъ нашей Mainté, и наша добрая француженка ужаснулась и, забывъ предостереженія нашего отца, вскричала съ негодованіемъ: «Графиня, вы клевещете на мертвую!»—«Какъ? Развѣ она умерла? Почему же мнѣ про это не сказали?»—«Графъ опасался, чтобъ извѣстіе это не подѣйствовало на ваше здоровье».

Когда мы пришли вечеромъ къ томительному чаепитію, бабушка была молчалива. Сказала ли она намъ что нибудь о смерти матери, не помню, но, когда вошелъ нашъ отецъ, она проговорила голосомъ, въ которомъ звучало нѣчто, если не грустное, то болѣе человѣчное, чѣмъ то, что мы отъ нея всегда привыкли слышать: «Андрей, я знаю, мнѣ сказали»... И это было все.

Нѣсколько дней она насъ щадила и сдерживала свою радость, но затѣмъ сдержанность ей измѣнила, и, улыбаясь злой усмѣшкой, она намъ объявила, что теперь отецъ нашъ свободенъ и непремѣнно скоро женится на строгой особѣ, «которая по баламъ и вечерамъ таскать насъ не станетъ, какъ «та»... и постарается исправить наше воспитаніе»... И надо было видѣть, какою ехидною радостью сверкали ея глаза, когда она произносила эти жестокія слова!

Она была тогда уже невмѣняема и впадала въ дѣтство, умъ ея померкъ, но старость не укротила ея злости. Не смягчала ея и покорность, съ которою мы выслушивали по цѣлымъ днямъ ея

нападки на нашу дорогую покойницу и ехидные намеки на ту, которая, по ея мнѣнію, непремѣнно должна будетъ ее замѣнить. Съ злорадным наслажденіемъ не уставала она распространяться о томъ, что намъ предстояло вытерпѣть отъ нашей будущей мачехи, какъ она насъ будетъ бить и всячески тиранить, и какъ это случится скоро, много скорѣе, чѣмъ мы думаемъ, до истеченія шести недѣль... Наконецъ, я не выдержала и, выслушавъ ея рѣчь до конца, положила работу, поднялась съ мѣста и, глядя ей прямо въ глаза, съ отчаянною рѣшимостью спросила: «Бабушка, вы находите приличнымъ, чтобъ отецъ нашъ женился такъ скоро послѣ смерти нашей матери, но позвольте узнать, имѣлъ ли бы дѣдушка право также скоро жениться на другой женщинѣ, если бы такъ случилось, что вы умерли бы раньше его?»

Это было высказано среди гробового молчанія всего женскаго общества, окружавшаго постоянно бабушку и съ трепетомъ ожидавшаго грозу за такія небывало дерзкія слова.

Невозможно передать ея изумленія, когда безгласное существо, которое она привыкла безнаказанно попирать ногами, вдругъ заговорило! Тутъ было бы ей кстати вспомнить про Валаамскую ослицу. Не знаю, вспомнила ли она про нее, но, оглянувъ меня съ ногъ до головы недоумѣвающимъ взглядомъ, она нерѣшительно вымолвила: «Не знаю... не думаю»...

— А я думаю, бабушка, что дѣдушка такъ обрадовался бы вашей смерти, что, не дождавшись и девяти дней, взялъ бы себѣ въ жены особу подобрѣе васъ,—продолжала я, внѣ себя отъ возбужденія и счастья, что могу отомстить за поруганную память матери.

Она вздрогнула, и ея большіе выразительные глаза вонзились въ меня сверкающимъ отъ негодованія взглядомъ. Поняла ли она, что зашла слишкомъ далеко, и почувствовала ли угрызенія совѣсти,—не знаю, но она не проронила ни слова, потупилась надъ работой, и вечеръ прошелъ въ неловкомъ молчаніи.

Не помню также, чтобъ мнѣ досталось за мои дерзкія слова, но должна сказать, что съ этихъ поръ бабушка не упоминала больше въ нашемъ присутствіи ни про нашу мать, ни про вторичный бракъ нашего отца. Скажу больше: вмѣстѣ со страхомъ ко мнѣ въ ней проснулось нѣчто, похожее на любовь къ дерзкой внучкѣ, осмѣлившейся выразить ей правду; съ этого дня она стала обращаться со мною человѣчнѣе, ей было пріятно, когда я прохаживалась съ нею по комнатамъ, а когда она отказывалась принимать предписанное докторомъ лѣкарство или выпить лишнюю чашку бульона, ея приживалки посылали за мною, и изъ моихъ рукъ она все принимала безпрекословно.

Впрочемъ, власть ея надъ нами продолжалась не долго: весною отецъ повезъ насъ за границу лѣчиться отъ разстройства нервовъ,

выразившагося особенно сильно у моей сестры. За послѣднее время пошатнулось и здоровье бабушки, память ея ослабѣла до такой степени, что по временамъ она насъ не узнавала и, считая насъ ровесницами давно умершей дочери, жалѣла, что она не можетъ раздѣлять съ нами наши забавы. А по мѣрѣ того, какъ усиливалась ея слабость и безпомощность, я дѣлалась къ ней снисходительнѣе и многое ей прощала.

Ей не сказали, что мы въ Россію болѣе не вернемся изъ-за границы. Лѣто послѣ нашего отъѣзда должна была провести съ нею дочь ея Нарышкина; но тутъ случился инцидентъ, ускорившій ея смерть: она терпѣть не могла чтобъ ее поддерживали, когда она прохаживалась по комнатамъ, а между тѣмъ ноги ея становились со дня на день слабѣе, и она всегда требовала, чтобъ полы натирали до скользкости, и вотъ однажды, во время обычной своей прогулки, она поскользнулась на паркетѣ и упала. Подать ей немедленную помощь не могли, потому что двери были заперты, и когда наконецъ догадались сломать замокъ, то нашли ее безъ чувствъ, со сломанной ключицей. Съ этого дня она уже болѣе не поднималась съ кровати, и силы ея начали быстро падать. Оставивъ насъ за границей, отецъ нашъ, при первомъ извѣстіи о болѣзни матери, поскакалъ въ Москву, но бабушка его уже не узнала, называла его Теодоромъ, принимая вѣроятно, за покойнаго мужа, и нѣжно гладила по головѣ. Образъ умершаго супруга ожилъ въ ея памяти. Помирилась ли она съ нимъ душою? Сознала ли она сердцемъ грѣховность и жестокость своего фанатизма,—это осталось тайной. Причащалась она уже въ безсознательномъ состояніи и тихо скончалась 14-го сентября 1859 года.

Похоронили ее на католическомъ кладбищѣ.

Проживъ нѣсколько лѣтъ за границей, я вернулась въ Москву, и отецъ повезъ меня на могилу матери, на которой мы съ нимъ и помолились о ней.

Считаю долгомъ прибавить, что теперь, когда я сама старуха и близка къ смерти, я отношусь къ личности Екатерины Петровны Ростопчиной безпристрастно. Она представляется мнѣ крайне интереснымъ историческимъ типомъ отжившей эпохи. Написала я мои воспоминанія о ней потому, что задумала написать біографію моего дѣда, говоря же про него, нельзя не коснуться его жены и вообще его семейной жизни. Не будь онъ такимъ нѣжнымъ семьяниномъ, не люби онъ первые годы такъ горячо свою супругу, личность этой женщины осталась бы въ тѣни, но невозможно представить себѣ его домашнюю обстановку безъ той, которая сначала украшала ее, а потомъ отравляла. Оставайся Екатерина Петровна истинною подругою души и ума своего мужа, дѣлившаго съ нею всѣ свои помыслы и порывы, развѣ онъ стремился бы такъ страстно въ Москву изъ Парижа, гдѣ ему во всѣхъ отношеніяхъ такъ хо-

ропо жилось, гдѣ у него было столько пищи для ума, и гдѣ можно ему было забывать горькія разочарованія, гоненія и клеветы, которымъ онъ подвергался на родинѣ послѣ 1812-го года? Но при возрастающемъ духовномъ разладѣ съ женой одиночество на чужбинѣ такъ сильно угнетало его, что его, потянуло къ старымъ друзьямъ, оставленнымъ въ Россіи, ему захотѣлось согрѣть скорбную свою душу сближеніемъ съ русскими сердцами, съ русскимъ духомъ. А между тѣмъ онъ получалъ изъ этой пламенно любимой родины анонимныя письма, полныя ругательствъ и угрозъ, какъ поджигатель Москвы и какъ виновникъ разоренія многихъ. И вотъ, убѣждаясь все болѣе и болѣе, что геройскій его поступокъ не понятъ современниками и даже отчаяваясь чтобъ онъ могъ быть когда нибудь понятъ и будущими поколѣніями, сомнѣваяся даже, можетъ быть, въ минуты отчаянія въ великомъ значеніи поступка, на который онъ рѣшился, какъ патріотъ, ставящій честь своей родины превыше всего на свѣтѣ, истерзанный одиночествомъ, нравственными и тѣлесными страданіями, до изступленія раздраженный какимъ нибудь новымъ письмомъ, оказавшимся каплей, переполнившей чашу его мученій, а, можетъ быть, желая оградить свою семью отъ нападокъ и обидъ слѣпой толпы, онъ схватилъ перо и написалъ свою позорную «Правду о пожарѣ Москвы».

Оставайся его жена такою, какая она была раньше, до перехода въ католичество, развѣ она допустила бы его до отреченія отъ славнаго и безсмертнаго дѣянія? до опубликованія того, что, увы, было не «правдой», а ложью, клеветой на себя? Но въ томъ душевномъ настроеніи, въ которомъ она тогда находилась, именно такая клевета на себя ея мужа и была ей на руку, отвѣчала потребности ея, затемненной новою религіею, души и желаніямъ ея совратителей. Опять повторяю, онъ былъ совсѣмъ одинъ. Возлѣ него была не русская православная женщина, способная восторгаться его идеалами и понимать ихъ величіе, а напротивъ того холодная и сухая эгоистка, жившая своею отдѣльною жизнью и интересами, во всемъ враждебными его идеаламъ и интересамъ. Нельзя также не принять въ соображеніе іезуитскихъ ласкательныхъ пріемовъ которыми графиня первое время послѣ своего вѣроотступничества, пыталась вліять на оскорбленнаго ею мужа. До грубаго цинизма, высказаннаго ею въ Москвѣ при смерти дочери, она дошла постепенно, когда убѣдилась въ невозможности подѣйствовать на убѣжденія графа мягкими мѣрами, раньше же она, безъ сомнѣнія, дѣйствовала иначе и добивалась цѣли ласками и притворною покорностью всѣмъ его желаніямъ, и хотя ужъ и тогда общаго въ ихъ мысляхъ, чувствахъ и убѣжденіяхъ ничего не было, тѣмъ не менѣе «Правда» была написана и напечатана. Надо и то сказать, что отличительною чертою характера моего дяди была необузданная пылкость, и что дѣйствовать подъ впечатлѣніемъ минуты

было для него часто непреодолимою потребностью. Я унаслѣдовала отъ него это свойство и знаю по опыту, какъ мнѣ трудно съ нимъ бороться. Надо вспомнить его письма, часто до дерзости откровенныя и рѣзкія, къ императору Александру I, къ Кутузову и къ другимъ, не говоря уже о вышеприведенномъ письмѣ къ императору Павлу, чтобъ понять, что въ данномъ случаѣ онъ болѣе достоинъ сожалѣнія, чѣмъ порицанія. Пожалѣлъ ли онъ впослѣдствіи о содѣянномъ опрометчивомъ поступкѣ—не знаю, но его глубокое, ничѣмъ не возмутимое молчаніе на письма и воззванія маркиза де-Шамбре и Бутурлина заставляетъ предполагать, что онъ съ умысломъ отстранялъ отъ себя все, что могло пролить свѣтъ на истинную причину московскаго пожара. Надѣюсь изслѣдовать вопросъ этотъ глубже въ его біографіи и по возможности его выяснить.

Не скрою, что цѣлью всего мною выше сказаннаго про мою бабушку было показать, что она имѣла пагубное вліяніе на своего мужа, вліяніе активное и пассивное, и что послѣднее было даже сильнѣе перваго, и вотъ почему въ умѣ моемъ и сложилось заглавіе «Правда о моей бабушкѣ», какъ откликъ всего того, что я перестрадала, читая и слыша отзывы на всѣхъ языкахъ о «Правдѣ» моего дѣда.

Графиня Л. А. Ростопчина.